АСТРАМЕЧАЎСКІ РУКАПІС

БРЭСЦКІ РАЁННЫ КРАЯЗНАЎЧЫ АЛЬМАНАХ

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНАЕ ЛІТАРАТУРНАЕ ВЫДАННЕ

Выходзіць штоквартальна
Мова: беларуская, руская

№ 1 [29]•2020

БРЭСЦКІ РАЁННЫ ВЫКАНАЎЧЫ КАМІТЭТ

АДДЗЕЛ ІДЭАЛАГІЧНАЙ РАБОТЫ, КУЛЬТУРЫ І ПА СПРАВАХ МОЛАДЗІ РАЙВЫКАНКАМА

БРЭСЦКАЕ АДДЗЯЛЕННЕ САЮЗА ПІСЬМЕННІКАЎ БЕЛАРУСІ (ГРАМАДСКІ ФУНДАТАР)

БРЭСЦКАЯ РАЁННАЯ БІБЛІЯТЭЧНАЯ СЕТКА

Кантакты:

(+375 29) 20-161-02;
e-mail: kotlas@tut.by
Чытаць анлайн: http://brest-railib.by

16+

Падпісана да друку 09.03.2020.
Фармат 70x100 1/16. Гарнітура PF Agora Serif Pro.
Тыраж 99 экз. Ум. друк. арк. 8,10.
Друк цыфравы. Надрукавана ТДА «Артлайнсіці»,
г. Брэст, вул. Карбышава, 74.
Арыгінал-макет падрыхтаваны
ТАА «Паліграфіка», зак. 28-2020.
Пасв. 2/2 ад 16.08.2013, пасв. 1/22 ад 16.08.2013,
вул. Кірава, 122, пам. 85, 224013, г. Брэст
тэл. (+375 162) 35-55-67, www.poligrafika.by

1-я с. вокладкі:
паштоўка **«Вяртанне дадому»**.
Художнік-ілюстратар Сытая Таня.
4-я с. вокладкі: святочны рушнік

У НУМАРЫ

75 лет 1945–2020 Великой Победы

Стоявшим насмерть и ковавшим победу

Восьмого мая в поселке Мухавец состоялся митинг, посвященный 75-й годовщине победы над фашизмом. Отдать дань памяти тем, кто сложил свои головы в страшной войне, пришли жители поселка, представители районной и местной власти, общественных организаций, предприятий района.

По традиции, собравшиеся возложили венки к памятнику погибшим землякам, а затем минутой молчания почтили память героев, павших на полях сражений во имя Великой Победы над коричневой чумой.

Тишину разрывали автоматные залпы.

Затем глава района вручил памятный подарок председателю районной ветеранской организации Петру Брюзгину. К сожалению, вирус внес свои коррективы. Ветераны войны, а их в Прибужье осталось всего тринадцать человек, подарки к 75-летию Победы, а также теплые поздравления получали дома. Кроме того, в преддверии Дня Победы ветеранам и узникам фашистских концлагерей вручили юбилейные медали «75 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». На ее лицевой стороне изображены воин-победитель с развевающимся флагом, партизан с автоматом и женщина с букетом цветов. На обратной стороне — венок из листьев лавра и дуба, а также выведено название медали.

Торжественная церемония возложения цветов и венков к памятникам и воинским захоронениям 9 мая состоялась во всех сельсоветах района. Участие в мероприятиях приняли представители местной власти, предприятий, учащиеся школ, местные жители.

С каждым днем все дальше от нас героические и трагические годы Второй мировой войны. Она стала одним из самых тягчайших испытаний, которое с честью выдержала наша страна. Никогда не забудутся подвиги солдата, стоявшего насмерть, и труженика, ковавшего эту победу в тылу. Наш долг — хранить память об этом подвиге, уважение к стойкости, мужеству, беззаветной любви к своему Отечеству.

Вечная память героям...

Елена СЕЗИНА
Фото автора

РЭСПУБЛІКА БЕЛАРУСЬ

ПАСВЕДЧАННЕ
ДА ЮБІЛЕЙНАГА МЕДАЛЯ

«75 ГОД ПЕРАМОГІ
У ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЕ
1941-1945 ГАДОЎ»

...Но память о них останется в наших сердцах

Торжественное открытие памятника погибшим землякам в годы Великой Отечественной войны состоялось в д. Приборово накануне праздника Победы. В церемонии приняли участие руководство района, представители депутатского корпуса, комитета государственного контроля по области, а также гости деревни и местные жители.

В деревне стоял памятник односельчанам, который требовал капитального ремонта, поэтому было принято решение возвести новый мемориал. Надпись на его центральной табличке гласит: «Солдатам односельчанам, погибшим в боях во время Великой Отечественной войны 1941 — 1945-х гг.

Их могилы находятся далеко от родной земли, но память о них останется в наших сердцах. Односельчане». К постаменту памятника прикреплены плиты с именами 68 сельчан. Центральным элементом композиции является штык, направленный в небо. Эскиз памятника разработан брестским художником Павлом Герасименко и был одобрен на сходе граждан.

Звучат фанфары «Радзіма мая дарагая» в исполнении образцового показательного оркестра Брестской Краснознаменной пограничной группы им. Ф.Э. Дзержинского. Торжественное право открыть памятник было предоставлено председателю районного совета депутатов Владимиру Хватику и депутату Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь Евгению Зайцеву.

— Мы открываем в д. Приборово новый мемориал в канун 75-й годовщины Великой Победы. Для нашего народа это самый светлый и дорогой праздник, — подчеркнул Владимир Михайлович. — За освобождение Беларусь заплатила жертвами каждого третьего жителя, разрушенными городами, сожженными селами. Мы помним, чтим и приумножаем память о своих земляках. Только на территории Прибужья находится сто семнадцать воинских захоронений защитников Отечества и мирных жителей, расстрелянных фашистами и их прислужниками. Благодаря неравнодушным жителям деревни в Приборово возведен новый мемориал мужественным защитникам Отечества. Это наша благодарность ветеранам, всем тем, кто отдал жизни за мирное небо над головой.

Евгений Зайцев также выказал дань уважения защитникам Отечества и отметил, что каждая семья в нашей стране имеет отношение к 9 Мая, наши деды и прадеды ковали для нас Победу.

С памятника, у которого стояла вахта памяти, Евгений Станиславович и Владимир Михайлович сняли белую ткань. Чин освящения провел настоятель прихода Свято-Иоанн-Богословского храма Петр Буда. Присутствующие возложили венки и цветы к постаменту, почтили память погибших минутой молчания. В их честь был дан оружейный залп.

Среди жителей деревни, которые пришли на торжественное открытие, были и те, кто на себе испытал горести того трагического времени.

Хранить память об их подвиге, уважать стойкость и беззаветную любовь к своей земле, передавая ее следующему поколению, призывает и Екатерина Качаловская, жительница д. Приборово. Девятилетней девочкой она познала горести и тревоги военного времени. Многие ее близкие и родные погибли. Поэтому одновременно со светлыми чувствами испытывает и боль утраты.

— Самое главное — чтобы в нашей жизни такая трагедия никогда не повторилась, чтобы были мир и здоровье, остальное приложится, — сказала Екатерина Николаевна.

Директор базовой школы Виктор Николаевич Мощук пришел на открытие памятника с семьей: женой Еленой и детьми Людмилой, Виталием и Алиной. Елена Владимировна рассказала про своих родных, воевавших в Великую Отечественную войну.

— Мой прадедушка Антон Васильевич Костючик и прабабушка Наталья Давыдовна жили в Леплевке, воспитывали троих детей: дочь Павлину и двоих сыновей — Ивана и Иосифа. Когда началась война, Иосифу исполнилось всего 19 лет. При наступлении немцы сожгли деревню, и мои родные вынуждены были уйти в лес. Иосиф был разведчиком в созданной при партизанском отряде им. Дзержинского специальной группе НКВД по зачистке нарушителей порядка. К сожалению, дедушки уже нет с нами, умер в 1993 году, и только многочисленные награды свидетельствуют о его мужестве в годы войны, — вспоминает Елена Владимировна. — Уже в мирное время Иосиф Антонович встретил мою бабушку Екатерина Иосифовну. Они очень любили друг друга. Создали семью, вырастили троих детей. Один из них — мой папа Владимир. Несмотря на трудности послевоенного времени, для меня дедушка и бабушка являются образцом любящей семьи, которые умели радоваться жизни, не унывать и всегда заражать оптимизмом. Благодаря испытаниям и стойкости они сумели построить светлое будущее для своих детей. И мы просто обязаны их не подвести. Мы должны помнить про их мужество и смелость, проявленный героизм, чтобы наша жизнь была мирной, а небо — чистым.

Агата РОМАНОВА

Маршрутами славы павших в боях

Автопробег памяти по местам боевой славы Прибужья прошел накануне дня Победы в Тельминском, Чернинском и Клейниковском сельсоветах. Организаторами выступили сотрудники РОС, ГОС, ООС ДОСААФ.

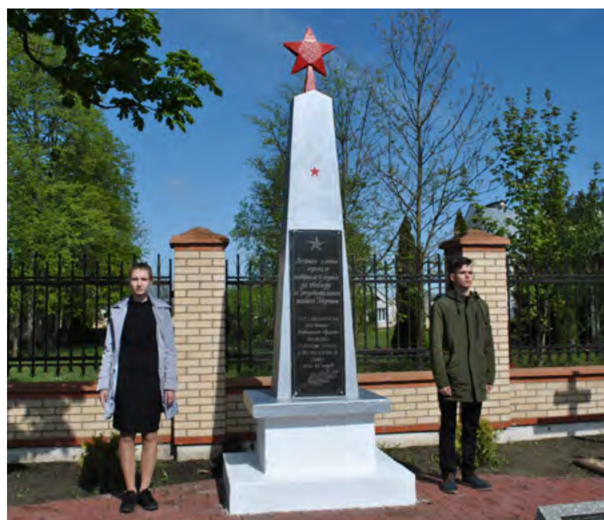
— Чествуя сегодня подвиг наших дедов и прадедов, их непоколебимое мужество, проявленное при защите Родины, мы должны еще раз напомнить нашим детям, какой ценой завоевана Великая Победа, — сказал один из организаторов мероприятия, инструктор ОМР Виктор Липский. — Накануне праздника наша районная структура ДОСААФ совместно со школами деревень Тельмы, Черни, Чернавчицы, Клейники, Страдечь и Мухавец привели в порядок братские могилы, обелиски, памятники павшим на полях Великой Отечественной.

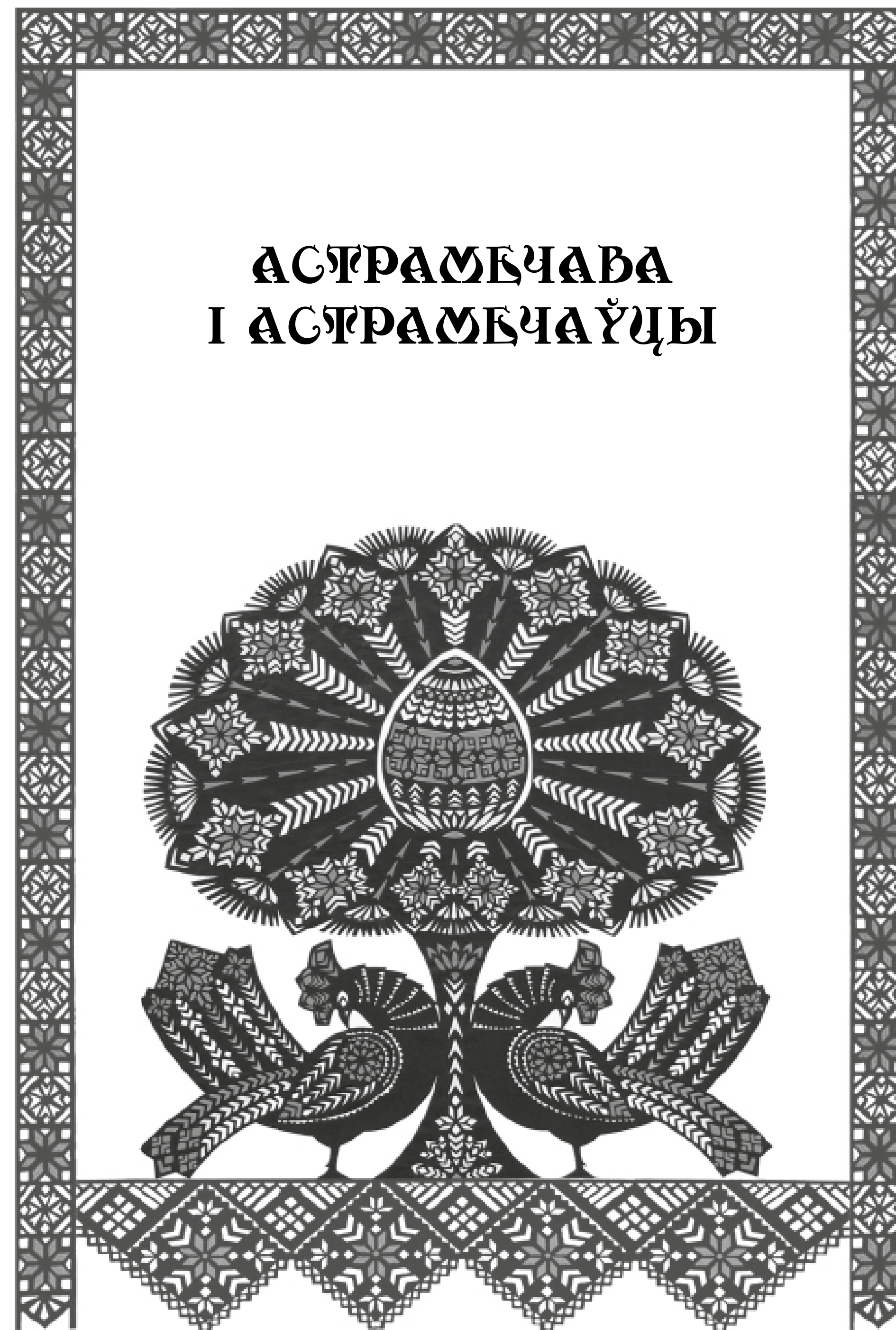
В агрогородке Черни у братской могилы учащиеся средней школы присоединились к участникам акции: к празднику классы подготовили свои «Венки Победы», после минуты молчания возложили их к могиле.

— Практически вся прибужская земля обильно полита кровью красноармейцев, которым пришлось метр за метром выбивать фашистов с занятых позиций. И здесь, в нашемагрогородке, захоронено 263 советских воина. Вечная слава героям-освободителям, в смертельной схватке с врагом отстоявшим наше право на жизнь, — сказала директор средней школы д. Черни Елена Постоялко.

Патриотическая акция продолжилась в Клейниках, где у памятника погибшим землякам участники автопробега совместно с местными школьниками отдали дань памяти советским защитникам, возложив венки и цветы к месту их увековечения.

Наталья ТОЛКАЧЕВА
Фото автора

АСТРАМЕЧАВА І АСТРАМЕЧАЎЦЫ

«Кто, если не мы?!!»

Штрихи к портрету ветерана ОАО «Остромечево», бывшего главного ветврача Виталия Георгиевича МОЗЫРЧУКА

В жизни каждого человека бывает случай, обстоятельство или повод, которые предопределяют всю его будущую судьбу, а может быть, — главное предназначение на земле.

— Быть тебе, Виталя, ученым человеком в белом халате! — такую фразу обронил когда-то местный мудрец по фамилии Кулич, живший с парнем на одной улице в райцентре Иваново, откуда Виталий Мозырчук родом.

Видный хлопец из рабочей семьи выделялся среди сверстников своей физической статью и серьезностью. Имелось, наверняка, в его облике, характере и поведении еще что-то такое, подтверждающее его душевное сердоболие и щедрость. Скорее всего, все это и побудило умудренного жизнью человека сделать знаковое умозаключение-предсказание.

Как в воду глядел старик. Стал Виталий в будущем врачом. Правда, — ветеринарным.

Жила семья Мозырчуков в городе Иваново Брестской области. Мозырчук-старший, Георгий Калистратович возглавлял бригаду электриков в районном узле связи, мать, Валентина Николаевна трудилась техничкой в Ивановской СШ-1. Медработников в роду никогда не было и, вроде бы, не намечалось. Младшие сыновья Мозырчуков — Евгений и Владимир — тоже пошли по другой части...

Хотя, по правде сказать, учиться на ветеринарного «дохтура» Виталий тоже вначале не собирался — поступал на землеустроительное отделение Пинского совхоза-техникума. Однако проходных баллов на вступительных экзаменах не набрал. Предложили на ветеринарное. Согласился. Ну, а потом, как говориться, прикипел, хотя мог и перевестись. Выпустился из техникума в 1973 году. Вскоре был призван в армию. Служил в ракетных войсках на территории Белоруссии. А еще раньше женился на студентке зоотехнического отделения совхоза-техникума, девушке по имени Нина. Родом она из Минщины.

Учеба в совхозе-техникуме давалась легко. Был старостой группы, неплохо успевал по профилирующим дисциплинам. Иначе говоря, успешно постигал врачебные ветеринарные премудрости.

В армию тоже пришел вполне дисциплинированным и сознательным новобранцем, что позволило достойно и честно преодолевать трудности воинской службы.

И вот первые рабочие университеты на «гражданке». Вначале — фельдшером в Мотольской участковой ветлечебнице, затем — ветврачом в колхозе «Молодово» Ивановского района, нынче это ОАО «Молодово-Агро». Запомнились и полезные уроки и советы, которые на протяжении трудовой деятельности получал от «старших товарищей» — фельдшера Владимира Терлецкого, колхозного председателя Петра Чваркова.

Например, вспоминается такой случай. Вскоре после прибытия на службу молодому ветврачу Виталию Мозырчуку пришлось сдавать необычный экзамен — срочно и самостоятельно .... кастрировать жеребца. Первая в жизни ветеринарная операция, первое серьезнейшее испытание!!! И хотя дрожали руки у юного доктора, и было боязно подступиться к своенравному животному — справился! (Для непосвященных поясню: кастрация жеребцов — необходимое условие, иначе животные вырастают неуправляемыми, дикими, непригодными к сельской работе — авт.)

Запомнилась также совместная работа с председателем Петром Васильевичем Чварковым. Бывший фронтовик, военный в отставке, он рьяно поддерживал трудовую дисциплину в вверенном ему хозяйстве, был требователен, строг, добивался от специалистов всех звеньев четкого выполнения своих служебных обязанностей. Не говоря уже о технологической дисциплине во всех сферах хозяйствования на земле.

Все это импонировало молодому специалисту — бывшему сержанту, побуждало к плодотворной работе. А если и далее проводить аналогию с армейской службой, то главные действия и задачи ветврача определяет так называемый Ветеринарный устав. В нем все по-армейски расписано — как и чем надо лечить

подопечный «личный состав», извините — животных: лошадей, коров, овец, свиней, как правильно обеспечивать сохранность и здоровье поголовья крупного рогатого скота, качество производимой продукции, защиту животных от инфекционных заболеваний, хирургических и заразных болезней, акушерскую помощь и прочая, и прочая...

И так, в трудах и заботах, незаметно пролетело 9 лет в ипостаси главного ветврачача агрохозяйства. Постепенно набирался опыта, до тонкостей вникал в секреты профессии. Главный из этих «секретов», по мнению моего собеседника, добросовестное отношение к порученному делу, высокая степень личной ответственности. Поэтому популярная в нашей прошлой советской действительности песня о тревожной молодости и фраза «и в снег, и в ветер, и в звезд ночных полет»» вполне созвучна деятельности ветеринарных докторов, чью плеяду многие годы достойно представлял и представляет Виталий Георгиевич Мозырчук и его соратники. Ведь ни для кого не секрет, что тревожный стук в дверь ранней ранью, или глубокой ночью с просьбой о помощи, означает ни что иное как срочная безоговорочная поездка, начало рабочего дня... Рабочего дня ветврача, который продолжается бессрочно, и днем, и ночью. Растелы животных, санобработки, срочные хирургические операции — всего не перечесть...

В биографии Виталия Георгиевича можно условно выделить два основных этапа — «до Остромечево» и «в Остромечево». Остромечевский отсчет начался для него, начиная с 1984 года, когда по приглашению тогдашнего председателя Алексея Степановича Скакуна Мозырчук переехал с семьей в Прибужский край. Если уточнять, то тогдашний зам. председателя по строительству Владимир Степанов передал ему приглашение Скакуна: дескать, приезжай, осмотрись, если устроит, то займешь должность главного ветврача. Особых благ не сулил, зато обещал интересную, насыщенную работу и, что называется, полный карт-бланш в принятии решений по специальности.

Эту особенность в руководстве людьми и сельхозпроизводством Алексея Степановича Скакуна, а именно, предоставлять ведущим специалистам самостоятельность и никоим образом не ущемлять инициативу, Виталий Мозырчук уже знал, поэтому принял правильное решение. Ему и раньше приходилось частенько «пересекаться» с Алексеем Скакуном в его бытность председателем колхоза в Молодово, начальником сельхозуправления Ивановского райисполкома.

Предложение было принято. Ну, а дальше происходило по известной пословице: взялся за гуж, то не говори, что не дюж.

Работа предстояла большая. Созданное на базе слияния четырех отстающих колхозов хозяйство, получившее первоначальное название «Память Ильича», с только что вступившим в строй крупнейшим комплексом по откорму КРС, насчитывало порядка 15-ти «разнокалиберных» молочнотоварных и других ферм старой постройки и оснащения, где, в частности, ветеринария находилась далеко не в лучшем состоянии. Не блистали результатами и другие сферы: кормопроизводство, селекция и т.п. Надо было все это упорядочить, оптимизировать, наладить, отстроить...

Потекли месяцы и годы напряженной работы. Постепенно труженики колхоза-комбината «Память Ильича», ставшего впоследствии ОАО «Остромечево», нашли те оптимальные формы организации труда, которые позволили им называться сегодня передовым хозяйством не только в нашем регионе, но и в республике. Построены новые малочнотоварные фермы, — их количество сократилось до пяти, но зато каких! -современный профилакторий для телят, комплексы доращивания и откорма животных. Создано высокопродуктивное дойное стадо круглосуточного беспривязного содержания с системой вспомогательных мероприятий. Я не говорю уже о сопутствующих животноводству важных отраслях — растениеводстве, заготовке кормов, селекционной работе, оснащению новой техникой... Каждый из участков и каждое направление возглавляют, по терминологии А.С. Скакуна, профессора своего дела, способные организовать работу должным образом. Среди таких прозвучали имена И.А. Бурака, В.Г. Козича, И.В. Бабия (сменившего Мозырчука на посту главветврача), многих-многих других, в том числе ушедших из жизни.

— Что изменилось за эти годы в ветеринарии? — задал я Виталию Георгиевичу, казалось бы, наивный вопрос. — Стало ли вам работать легче?

Ответ меня несколько озадачил:

— Несмотря на современные методы содержания животных, уход за ними стал более напряженным, требующим более современных подходов...

И далее пояснил:

— Значительно возросла интенсивность эксплуатации крупного рогатого скота. Заметно выросли надои, привесы. Иначе говоря, если раньше коровенка с годовым надоем 3 тыс. литров молока ни шатко ни валко доживала до 10-ти лет, то нынче с 30 литрами в день — редко дотягивает до 4-х лактаций... Когда-то ветеринар легко обходился, к примеру, флаконом пенициллина на группу коров или телят, то сегодня используется разнообразие антибиотиков и других средств, все компьютезировано, дойные коровы и телята чепированы, жизнь, состояние и продуктивность животного отслеживается круглосуточно. Однако высокопродуктивные молочные коровы живут меньше, кормления, лечения требуют большего. Поэтому и более напряженный труд животноводов, ветеринарной службы.

— И в вечный бой, покой нам только сниться?!!

— Что-то вроде этого...

... Мы долго еще беседовали с Виталием Георгиевичем о разном. Беседа шла о прошлом и будущем Остромечево, о тружениках, оставивших яркий след в истории хозяйства, о неспокойном новом времени, о проблемах удержания молодежи на селе. Он, насколько позволял момент, подробно рассказывал о состоянии дел во вверенной ему отрасли, о добрых делах остромечевцев. Особо теплые слова были адресованы собственной семье. Вместе с женой Ниной Константиновной они воспитали двух достойных дочерей, Татьяну и Наталью, живут они с мужьями своими семьями отдельно, воспитывают пятерых внуков и двух правнуков. Все при деле: работают, учатся, растут...

Вспомнил Виталий Георгиевич о своем отце-фронтовике. Георгий Калистратович ушел на фронт в 18 лет. Помощник пулеметчика. Воевал в Польше, Германии, Японии. Был награжден боевыми наградами. К сожалению, ушел из жизни.

Вечная память.

И оба мы пришли к мысли, что все мы, наследники подвига отцов, должны придерживаться главного Устава жизни — прочно стоять на избранном рубеже родной земли.

Ведь, кто, если не мы?!!

Александр ВОЛКОВИЧ,
член Союза писателей Беларуси

PS. За добросовестный труд В.Г. Мозырчук награжден:

Армия, 1975 год

Семья

Из семейного альбома
Виталия МОЗЫРЧУКА

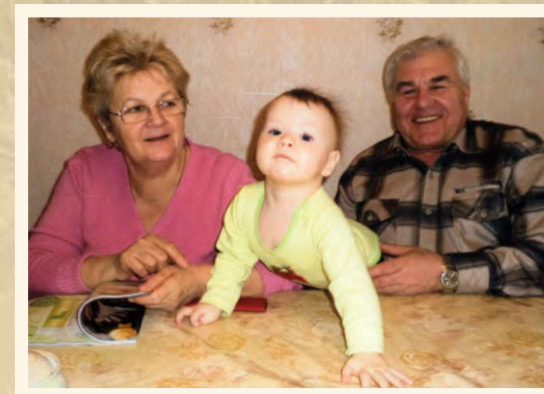

Армия, 1973 год

С дочерьми — Татьяной и Натальей

Затья — Юрий и Владимир

С внуками

С женой — Ниной Константиновной и внуком

В кругу семьи

Будни и праздники...

ЧАРОЎНЫЯ СПЕВЫ І ПАДАННІ СПАДЧЫНЫ

Студэнтка БрДУ імя А.С. Пушкіна Вольга Гайдук

Вайна — гэта самае жахлівае, што можа адбыцца

З жыцця насельніцтва вёскі Чамярын на Брэстчыне ў часы Вялікай Айчыннай вайны

Перыяд Вялікай Айчыннай вайны, падзеі з ёю звязаныя, успамінаюцца і ацэньваюцца самымі рознымі спосабамі ўнутры аднаго і таго ж лакальнага калектыву. Метадалагічна дакладным, на мой погляд, з'яўляецца вылучэнне навукоўцамі дзвюх (нярэдка альтэрнатыўных) мадэляў трактоўкі падзей.

1) Асэнсавана генерыраваныя ў адпаведнасці з ідэйна-палітычнай стратэгіяй аповеды ветэранаў вайны, якіх часта запрашалі для публічных выступленняў, характарызуюцца клішыраванасцю, дэкларатыўнасцю, патэтычна-ўзнёслым настроем, абыгрываннем такіх катэгорый афіцыёзна-публічнай памяці, як «пераможцы» (савецкі народ і партыя, «нашы», «рускія»/ «пераможаныя» / «выратаваныя»).

2) Пазбаўленыя трыумфатарскай рыторыкі ўспаміны пра пачатак вайны, пра пераможаных нямецкімі войскамі салдат з Брэста, пра акружэнне савецкіх войскаў на тэрыторыі Беларусі, жыццё на акупіраванай тэрыторыі (у моцнай залежнасці ад акупацыйных удалаў, дзеянняў іх памочнікаў і партызан) і інш., цяжка назваць узгодненай версіяй мінулага. Наратывы, якія адносяцца да другой групы, зафіксаваныя мною ў *вёсцы Чамярын Пінскага раёна Брэсцкай вобласці ад Шык Вольгі Андрэеўны (1939 г.н., бел., пісьм., хрысціянка, мясцовая) і Макарскай Надзеі Аляксандраўны (1930 г.н., бел., пісьм., хрысціянка, мясцовая).* З іх вынікае, што вайна — гэта самае жахлівае, што можа адбыцца. Гэта тое, што можа сцерці народ з твару зямлі, гэта тое, што выклікае страх у сэрцах людзей... Вайна нясе за сабой гібель сотняў тысяч, або нават мільёнаў, людзей.

На тэрыторыі нашай дзяржавы была не адна вайна, але, на шчасце, наш народ выстаяў, годна вытрымаў усе выпрабаванні. Скрозь слёзы маці, смерць братоў, сясцёр, сыноў, бацькоў, сотні спаленых вёсак, дзякуючы адважным учынкам нашых слаўных продкаў — мы выжылі. У большасці выпадкаў жыццё Радзімы залежала ад людзей, якія добраахвотна зазірнулі ў твар смерці і сталі на абарону жыцця. Гэтыя людзі вартыя павагі і ўшанавання. Ваенныя дзеянні адбываліся ў населеных пунктах, у гарадах. Змагаўся, перажываў і назіраў за тым, што адбываецца, увесь народ. Вайна ўжо даўно скончылася, але мы можам аднавіць тое, што адбылося, дзякуючы звароту да вуснай гісторыі, паслухаўшы ўспаміны відавочцаў тых трагічных падзей. Адной з іх з'яўляецца мая бабуля, жыхарка вёскі Чамярын, Шык Вольга Андрэеўна, якая часта згадвае пра вайну, жыццё на акупіраванай тэрыторыі:

«Колы началаса война, я була зовсём маленька, я мало шо помэтаю. Я только вспомынаю, як була маленька, о, і як началаса война. І всі люды выбралыся ў ліс із деревні. І з коровамы, і коровы побралы. І от я помытаю, як я ходыла там у лісу, як коровы доілы разом у відра. Я любыла шум з свігожо молока, і я ходыла каждый раз з кубочком і збырала шум з відёр і пыла».

Памяць пра вайну не сыходзіць з сэрца, раздзіраюць душу горкія ўспаміны аб загінуўшых: дзядах і бацьках, матулях і сёстрах. Многія сем'і страцілі кармільцаў. Вайна забірала ў людзей самае каштоўнае — іх жыццё, а ў лепшым выпадку (калі ўвогуле так выпадае казаць) — здароўе, дзяцінства, маладосць. Але ўсё ж такі, нягледзячы на ўвесь цяжар ваенных падзей, былі героі, якія з перамогай вярталіся дадому, да сваіх жонак і дзяцей. Вайна не пашкадавала бацьку маёй бабулі, Андрэя Кірылавіча Макарскага, жыццё якого кардынальна змянілася пасля вайны. Яна згадвае:

«Мій батько, Андрэй Макарскый, якый воёваў, расказваў мні о войні. Нэ мныго, алэ расказваў. Він був два разы кантужаны. Він прышоў дохаты ў сорок трэйтёму году. І він був настолькы кантужаны, шо ныц нэ чуў. Був такы глухы. Батько мні расказваў, шо воны йіхалы ў машыны, і найіхалы на міну, і она разорвалаcя. Ёго зарыло ў зэмлю. І ёго откопвалы, і тых, хто застаўся жывы. І так було два разы. Потом у мамы родылосо трэйте дытятко, дівчына. У мэнэ шчэ був брат, мэньшый за мэнэ. З сорок пэршого года. І раз мама покынула ёго з батьком у хаты, він сыдів коло стола, а братік упав за кухор, і став крычаты. І він нычого нэ чув, а сыділі разом. Мама почула з сыла, а батько нэ чув, такый був глухый. О. А колы вжэ освободылы Пінск, то мій батько, якы жыў у Логішынскому раёну, бо ніколы було так, Андрэй Кірыловіч Макарскый, стаў красноармейцом. Він прыняў своє пэршэ хрышчэнне, колы воёваў за рідну Белорусь. Колы ранэнько німцы почалы стрэляты ў нашых, тату тогді стояў на посту. Ёго навэть крохы накрыло зэмлёй. Батько стрэляў, алэ німцы попалы ёму ў вінтоўку. Потом німцы кынулы гранату, і вона разорвалаcя коло траншэі, і батька оглушыло. Потом німцы почалы одступаты, а на полі засталоса мныго кого забытых. Батько за гэты бой був награждён ордэном Славы ІІІ ступені. Чэрэз всю войну батько проніс пысьмо от моеі матэры Ганны Андрэеўны. Тату помэр у сорок восьмому году». [Шык Вольга Андрэеўна, 1939 г. н., в. Чамярын, Пінскі раён, Брэсцкая вобласць]

Вялікая Айчынная вайна была багатая на незабыўныя падзеі. Амаль у кожнай сям'і была гісторыя, якую пазней распавядалі сябрам, аднавяскоўцам і проста знаёмым з горада. Гэтыя гісторыі хадзілі па людзях, замяняючы для апошніх і афіцыйную інфармацыю, і чуткі. Нядзіўна, што Вольга Андрэеўна не раз чула аб ваенных здарэннях, бо гэта было асноўнай тэмай усіх размоў:

«Шчэ о войні мні расказвалы люды, моі сусіды, шо стоялы ў іх у клуні німцы. Мы іх нэ чэпылы, а воны нас нэ чэпылы. Було чуты, расказвалы люды, шчо ў деревні була свадьба, нэ ў нашый, а ў Застружжэ. І німэц зайшоў на тую свадьбу, і ёго застрэлылы. Нашы застрэлылы чэрэз окно, ніхто застрэлый ёго. І от тогді німцы растрэлялы ўсю тую свадьбу, шэйсят чэтыры чоловікы. А німцы нам казалы, шчо я іх нэ чэпыты, то і воны нэ будуть до нас лізты. То ў нас такэі войны нэ було, шоб фронт там ішоў. Ныц нэ бомбылы, ныц такого. О гэтак, люды почулы, шо война. Почулы, шо сталы бомбыты, шо война. Сталы гомоніты: «Война, война». От як, і от прышлы і найіхалы німцы, і прыйіхалы. Німцы ныкого нэ чэпылы. После войны, нам прышла газета, алэ я нэ помэтаю колы, у якэ врэмье. І там опысвають про мойго батька, як він воёваў».

Вайна пачалася раптоўна. Зразумела, што просты народ не быў да яе гатовы. Што будзе, як сябе паводзіць, і што рабіць, сказаць ніхто не мог, таму людзям прыходзілася самастойна прымаць лёсавызначальныя рашэнні. Вельмі часта погляды СМІ і простага народа разыходзяцца. Часта жыццё людзей было значна цяжэйшым, чым пра яго пісалі. На іх долю выпалі самыя цяжкія выпрабаванні. Яны перажылі голад, холад, многія страцілі сваё здароўе, дах над галавой і галоўнае — сем'і. Так бачыла пачатак гэтай страшнай вайны, якая прынесла шмат трагедый, калецтва, жыхарка вёскі Чамярын Макарская Надзея Аляксандраўна:

«Почаласа война. Мій тата був солтусом. О. Пэрэд намы стояло два такых стоўпы. Там була табліца, шо на тый табліцы напысано, я нэ відаю, бо була тогді бэзграмотна шчэ. Но нішчо було попольску напысано. Бо він жэ був польскый солтус, мій батько. А я з Катію, з свахыю свэю, дэвчукы, прыдэм до тых стовпів, да я сяду коло одного стоўпа, а вона сядэ коло другого стоўпа. А гэты бомбы «бух бух бух», да «чуты чуты чуты». Мы слухаем, да вжэ й плачэм: «Война будэ, война будэ, война будэ, да побьють». Почулы, як бомбылосо. А потом прыходять ужэ німцы, онде [паказвае на дом] *стояла Ганютына хата. Коля гэтыі хаты Джыгавчыхы був такій гэтой, поставылы такую палатку, о. І тыі німцы булы гэтта, в Барбары ночовалы, і нідэ ў Бутэнка* [мянушка жыхара вёскі] *булы. Ходылы по ўсёму сэлі, алэ ж главныі буллы гэтта. А буллы і по ўсёму сэлі, усі ходылы сюды на кухню йісты, о. І мы, такы девчукы, который раз забэжэмо, дадуть дэ шчо. Надто смачна была няка, тэпэр варэнне гэтакэ варать, а тогді звалы «мармуляд». Намажуть нам на тую скыбочку тонэнько, ох, да смачнэ-смачнэ* [усміхаецца]. *Бігаем гэтта, около гэтыі палаткі, а воны гэгрэчуть, тыі німцы. Мы ж нэ знаем шчо воны, шчо воны бають, о. А іншы раз роготять, а мы подскакаем, а воны роготять. А чы воны з нас, чы самы собі роготілі, хто іх знае, м. У нас воны нычого нэ зробылы».*

Людзі шукалі сабе прытулак, дзе маглі. Многія хаваліся ў лясах, але былі і тыя, хто не пакінуў роднага дому. Надзея Аляксандраўна ўспамінае:

«Люды булы в лісы, а я з дідом була ў дома. Нашы шчэ тожэ выехалы, сюды, дэ той був ліс вэлыкый, то наша выехала сэм'я. Одна я з дідом, у хаты прыбыралы, а после дэ шчо хавалы. А потом кажэ: «Ходімтко вжэ, Надзька, і мы». І мы выйшлы, а шчо взялы полоссе, шо постолы плэсті, нанызянэ і закрутянэ, і о гэтакый вэрх, о. Той дід узяв собі, і я собі, сюды [паказвае на шыю] *почэпыў мні, і пошлы. І выйшлы мы коло города, на Полоніўку, і ўсё. З туля, з ліса, вжэ крычать: «Война кончылась, война кончылась, німцы вжэ пойшлы, німцов вжэ нэма!» І з ліса вжэ йдуть люды, а мы з дідом на Полоніўку. То гэто от помытаю, то расказала. А потом, як прышлы вжэ советы, то, хто його знае, шчо воны гэтта тут робылы. Алэ як німцов зачэпыты, то воны дадуть здачу».*

Пра партызанаў ёсць шмат звесткаў у падручніках, аднак найбольш дэталёва змогуць іх ахарактарызаваць толькі людзі, якія з імі сустракаліся. Апавядальнікі кажуць, што партызаны былі розныя, бывала, што не паважалі мясцовага насельніцтва, грабілі яго, а часам і забівалі. Вось якую гісторыю расказала Надзея Аляксандраўна, якая з'явілася непасрэднай сведкай тых падзей:

«Було так, шчо нашы партізаны пять душ застрэлылы. Прыбіг одын чоловік, да ў окно постукаў, а я вжэ чую, була надто чутка. Оно по надвірку хто пройдэ, а я вжэ чую. Постукаў, діду спаў коло того окна. О, а він сказаў: «Выйды». Дід выйшоў і діду сказаў, а дід прыходыть і зразу ідэ до постэлы до мамы, і кажэ: «Манё...» А тато вжэ бачыть шчо повызлы. Коло нашэі хаты була дорога на рэку, а тато вжэ в окно бачыть, шчо повэзла Гоёва кобылка хуру багажа, о. Побылы вжэ і побралы. І тым надвірком вжэ повызлы. А тато: «Ціхо, я сказаў ціхо!» Той дід утых, встае тая маты нышчэчком, бэз шуму. Нас жэ було сэмэро дэтэй у хаты, сплять, коб нэ було шуму ныякого, о. Маты ўбраласа, той тато ўбраўса, і побіглы. Я бачу всэ, чую всэ, о. Воны побіглы, а я за імы. З постэлы, як лыжала на мні няка споднычка коротэнька кудэляна, попэрла за імі».

Нельга адмаўляць: многія партызаны-беларусы мужна змагаліся за свабоду Радзімы. Але асобныя выпадкі злачынстваў супраць мірнага насельніцтва былі. Прыкладам таму служыць дзікая гісторыя, якая адбылася ў вёсцы Чамярын у адной з сем'яў, якую расстралялі, нават не пашкадавалі дзетак:

«Забэгаю, то дядько лэжаў на кухні, гэ. І чэрэп і гэта шкура зодрана гаж до головы, гэтта кроў тэчэ. То вжэ коло його людына була, коло того дядька. Вжэ ёму тую голівку ладыла, а тыі лэжалы. Романко і Олэсь, а Хведько лэжаў кай еі, о, кай Уляночкы, кай мамы лэжаў. Пострэлялы, то Романко [наймалодшы сынок], *як выходылы з хаты, то з того ляку, чы шчого він, як воны выходылы з хаты, вжэ пострэлялы і забралы вжэ всё. І хурманка пойіхала. А він схватыўса, зарано схватыўса. А воны* [партызаны] *как раз у вокні булы, і одын вэрнуўса і застрэлыў. Усёго було іх трох. Лэжыть Уляночка, як гэ о койка, тогді койкы нэ було нэ якыі. Лэжыть огэ, і слынчык, гэ ногы стоять, і лэжыть огэ. А кай еі Хведько лэжыть, застрэляны. А Хвэдора стоіть на пэчі, а в іх шчэ ж но грубу зробылы. А на грубы, груба була мэньша, а там була груба ныжша. А там набралы мыла, і скрізь заложыў, а по грубы мыло, а на мыло кіріч, і груба высока і нэ знат□эмэш, шо там мыло, о. А вжэ ў Хвэдоры ў тэе врэмье, а Хвэдора — гэто маты Ўлянчына, тэе мыло выбэрала вжэ да чыстыла. Да з тэі пэчы вжэ да клала вжэ, чы з грубы, на счарі на піч. А с чарэню вжэ ў мышок, да до домы тэе мыло, о. А потом вжэ, як тато явывса, а я стою гэ, і бэз хусткы. Гэ вжэ як с постэлы, ага. А він мэнэ за руку да по срацы: «Чого ты Надзька прыбігла?» Да за руку, да по срацы раз, цоп. «Быжы до хаты, да бігом бігом бэжы, бо ты ж гола, а-я-я-я-я-й, чого ж ты прыбігла? Нашо ж ты прыбігла да побачыла ўсэ, усэ побачыла, гэтой бой, да всэ побычыла, м?» А Хвэдора* [бабуля забітых дзетак], *як стрэлялы ў іх, то дома була. Воны тэрлы лён, тэрлы лён у Хвэдоры, о, обое, і прышлы до хаты, і в гэтэ врэмье іх пострэлялы.»* [Макарская Надзея Аляксандраўна, 1930 г. н., в. Чамярын, Пінскі раён, Брэсцкая вобласць]

Мясцовае насельніцтва баялася быць пакараным савецкай уладай за сувязь з немцамі, нават калі такой і не было:

«Булы шчэ ў нас німцы, і загубылы часы, гэтыі, карманны. А тогді Сцёпа Дьячок буў у Хабароўску. А воны нэ йшлы тыі часы, і він гэтто, воны послалы гэты часы туда ў Хабароўск, коб поладылы. А він заніс поладыты, а тыі побачылы да кажуть: «Дядько! Прыбэры, кажэ, гэты часы, тэбэ вжэ навэть за гэты часы посадять». Гэто нэмэцкыі часы булы. Нашы булы ў лісы, а німцы булы по сёлах. Ну, о».

Немагчыма прадказаць дзеянне чалавека ў экстрэмальнай сітуацыі, а такіх сітуацый падчас вайны было шмат. Адны маглі пакінуць свой дом, і кінуцца на ўцёкі, але большасць людзей не кінула родную зямлю, кожны працягваў руку дапамогі блізкаму. Пацверджэнем гэтаму з'яўляецца гісторыя Надзеі Аляксандраўны, якая паказвае нам адвагу аднавяскоўцаў, іх здольнасць прыйсці на дапамогу, ставячы пад па-

грозу сваё жыццё:

«А в тэе врэмье шлы модяры. Стоялы ў дворі німцы, і нідэ прійіхалы тыі модяры і шлы, от, і як то іх зовуть, тэю отакую. Нідэ коля ліса йшлы, і шлы сюдэі коля рэкы, ыгы, о. І прышлы Васю Дякового забралы з постэлы, оно в сорочцы, коб пэрэвозыв праз рэку, пэрэвозыв. А тыі мадяры булы за німцов. А партізаны Білыху [жанчыну з вёскі] *зловылы, забралы свынэй, да завэзлы Сэмэнчу, да там былы, о. А Білыху забралы, коб кышкы разбырала, о. Разбэрае тыі кышкы, а ідэть тая отака мадяров. Так гэты ўсі партізаны повтэкалы, а вона осталаса одна, о. Осталаса одна і шчо, забралы тыі кышкы і тую Білыху. І в Поріччы був вжэ той штаб, гэтой мадярскый. І Білыху завэлы туда. І був сад польскый, і була така яблонь. Зробылы таку вешальніцу, і тую Білыху завэлы туда. На колодочцы посадылы, от, вжэ повісыты. Вжэ тая гапля на ій, о. А Оля прыбігла до нас да: «Дядэчко, ох дядэчко! Забралы мадяры маму, да повісять. А она онде ў садку под вісяльніцою сэдыть ужэ». І як побіглы з тэю, з Олію, чы, ну, Оля ж вона. Як побіглы, з дочкою, бігом скрізь біглы до німцов, о. Забіглы до німцов, а стояв вжэ той патруль, і поліцай, о. А выйшоў той самый главный лёйтман, як звалы, о. Выйшоў на крыльцо с того гетта, постояты гэ воздухом подыхаты. А той тато прыйшоў, і до того лёйтмана, шоб напысалы бумажку. Шчо, коб людыну нэ ўнычтожылы, о. «Олесько нэ йды, Олесько нэ йды, бо онде тры воўчаркы стоіть, розорвуть». А він кажэ: «Открывай, открывай двэрца! Открывай брамку, открывай!» Кажэ на того лёйтмана, на поліцая. Да коб до того вжэ главного, а в двэрах, вжэ той продтовар зробляны, як туды іті, о. Так як він вжэ одомкнув брамку, і тато ўвойшоў. Так воны одна з однэі стороны, другая з другэі за гэтыі, да зубамы, собакы тыі, а трэйтя ідэ заду. І вэдуть до самого лёйтмана того, а той крычыть: «Шчо такэе, шчо такэе?» А він* [солтус] *просыть: «Давайтэ быстро, бо людыну забралы ў ночі. Забралы, мадяры, і онде вона вжэ з вешалніцэю». Він зарэ пышэ попэрынку, о. «Быстро, донось тым мадярам, коб нэ повісылы, о». Ну, й тую папэрэнку з тэю Олію занэслы до тых мадяров, і тую Білыху одпустылы, о».*

Паніка і агульны страх ахапілі дачку і маці, але вельмі добра, што солтус вёскі змог зарыентавацца ў такой складанай сітуацыі, і пазбегнуць страшных вынікаў. Ён паказаў сапраўдны прыклад узаемадапамогі і адказнасці за здароўе і жыццё сваіх аднавяскоўцаў:

«Одпустылы тую Білыху. І вжэ як ішлы до хаты, то вона вжэ рвэцца, коб бігом утэкаты. А тато одну за руку, і другу за руку побрав , і кажэ: «Шагаймо гэбы трэба, помалэньку, о. Нэбэжім, бо будэм утыкаты, будэм бігты, то можуть пострэляты. Помалэньку». І прыйшлы помалэньку дохаты. Прыйшлы до хаты по-маленьку. То тая Білыха для партізан свынэй разбырала, о».

Надзея Аляксандраўна яшчэ раз згадвае пра тое, якімі маглі быць партызаны:

«А партізаны ходылы да грабылы людэй, да, да йілы. А шчытаецца, шчо воны партізаны, шчо воны воюють. То партізаны по лісы, а то партізаны по кухрах. Булы партізаны, булы шчо і воёвалы. Ніколы казалы, шчо партізаны жылізны дорогы взрывлы, алэ нэ всі. Тыі подрывалы, а тыі ходылы да грабылы, да коб найістыса. І кожухы ў людэй побралы, і всэ на світы побралы. Партізаны булы такыі, і полотно бралы, і клубкы бралы, і всэ бралы. Гэто ніколы ў Тобілках буў партизан. А ў цэрквы побачылы хустку, позналы, у цэрквы побачылы хустку, о. А тогді якы ж тыі хусткы булы, ніколы о гэтака була [паказвае на платок, які на галаве], *а ў кого була і ліпшэнька, о. Да ў бабы однэі з головы зодралы. Булы хусткы і ніколы хорошы польскы, чому нэ було. Да, алэ ж нэ ўсіх. У кого булы, а ў кого і не».*

Людзей знішчалі нягледзячы на ўзрост, чалавечае жыццё не лічылася каштоўнасцю. Гэтыя жахі яшчэ раз падкрэсліваюць безсэнсоўнасць вайны, яе антыгуманнасць і зверства:

«Да булы ў Санчыхы, як Буссу спалылы. А воны ж гэтта булы ў Чэмэрыні, а там, да прыйшоў. Пэрэд Балаганом [жыхар вёскі] *дэвчата сыділы, хлопцы. І гэты, казахы до дэвчат вжэ ходылы. Да прыйшоў той Сцёпа, а Антоля не понімающчая, да кажэ: «Сцёпа, а як ты прыйшоў?» А воны гэта ж тыі почулы, і за того Сцёпу: «З куля ты, якый ты?» О, і завэлы на Расоватый міст, на Расовату яму. І поставылы на бар'ерыну, і стрэлылы і полытів у яму. Пошчыталы ёго партізаном. Да гэто зробылы козахы, а козахы тожэ ж булы з німцамы, ыгы. Козыхы з німцамы булы. Мадяры з німцамы, козахы з німцамы».* [Макарская Надзея Аляксандраўна, 1930 г. н., в. Чамярын, Пінскі раён, Брэсцкая вобласць]

Працягвае Надзея Аляксандраўна:

«Була ніколы свынка з поросятамы. Було тогді врэмье холоднэ, а дэ еі подіты. Да ў нас була вэсцёбка, дэ гэтта зарэз кучка, да така була вэсцёбка. А воны сюда поставылы ў тую вэсцёбку. Да ўбыўса Бульбан [жыхар вёскі], *да тую свынку, да як воны еі забылы, да гэто сэрэдь ночы. Сіно було ў клуні, да воны бралы сіно, да тую свынку загналы ў тую, туда ў тэе сіно. Заклалы тую, тую жэрдынку сіном. А ў еі, у свынкы, було тогді чатырнаццать чы дванаццать поросяток. А тогді холодно було, да стояла ж у тый вэстёбцы. І выбачыў* [Бульбан] *і прыслаў німцоў. І трыбушылыса, трыбушылыса тыі німцы і найшлы. Да воны одчынылы тэе сіно, шчо запхана була кучка, і ныма шчо ж быты. Там о гэтака во* [паказвае, якога памеру была свіння] *і поросятка. Да й покынулы тую свынню».*

Рэлігія таксама адыграла важную ролю ў фарміраванні светапогляду людзей, іх выжыванні, выконвала кампенсаторную функцыю. Нярэдка авядаюць, што іконы ратавалі людзям жыццё:

«Шчэ раскажу. Уранэнько приходыть два німцы і тры поліцаі до нас. Як зарэз у нас участковый, то ў німцов булы поліцаі, о. І тры поліцаі прыходыть. Ну, алэ ж у нас тая хата старэнька була. А гэтта гэбы гірка була, до Ганютэныі хаты. І воны стоять. А я була такая, дэвчук, алэ ж хотілосо знаты, і хотілосо тату помогті дэ шчо. І робыла сама сэбэ нэнормальную. Распюстю косы, да тыі косы гэ пороблю, о. Да наложу подрану споднычку, о. І ногамы і пыском грэбу огэо, і бігаю коло іх, но нэ трогалы, і нэ прогонялы. А я выслухоўваю, шчо воны кажуть, о. І кажуть: «Зовы подсолтуса і підэм по деревні, з хаты в хату. Дэ естя ікона, то гэто будуть Божыі люды, а дэ нэма іконы, то гэто комуністы. І всіх, хто в хаты, выстрэляем, о». Я гэтэ всэ чую». [Макарская Надзея Аляксандраўна, 1930 г. н., в. Чамярын, Пінскі раён, Брэсцкая вобласць]

Людзі спрабавалі дапамагчы адзін аднаму як маглі. Важную ролю ў гэтай справе адыграла і сельскае кіраўніцтва. Надзея Аляксандраўна ўспамінае, як яе бацька –солтус вёскі Чамярын, паводзіў себя ў розных абставінах:

«А той тато говорый з імы, говорый, а потом кажэ: «Оё-ё-ёй, пождітэ, пождітэ крошычкы, вышла малоумна людына ондэ». Я зыр, стоіть гэта, а там гора була высока, стояло тры хвійкы. Стоіть под хвійкыю чоловік, опынэнка гэ на рожкы згорняна наплёнэ, і стоіть. А гэтта выдно чырвонэ, чырвоны, наверно, домоткан. Стоіть, а він [бацька], *дрова ў нас лэжать там кола гор□ода, схватыў тріску і побіг. Пока й хаткы Дяковый на тую гору прамо. Забэгае, і ёго за руку і по срацы, і по срацы. А гэто Мартын, буў у Бадаля, да побачыў, шо німцы стоять. І ўзяў ружжо, бо він жэ*

був з ружжом, він жэ був вооружонный. Узяў і выйшоў, і хотів застрэлыты вжэ німца. Чы німца, чы поліцая, о. А той тато за руку, і по срацы, і по срацы, і по срацы, сюда його погнаў. А Патрышына клуня, да була надто загнаная вжэ пыском, м, о. А він пока й гэтыі клуні його вжэ гэ, ну. Він його вжэ нэ б'е шпарко, цопае, і жэнэ, жэнэ, жэнэ туды. Кажэ: «Мартын, шо ты робыш? Ты застрэлыш одного, а в той час, як оно застрэлыш, зразу окружать Чэмэрын, і запалять і поб'ють усіх, і нас усіх попалять. Народ увэсь попалять наш. Ты выйды на Сажалку, і там пострэляй іх хоть пьять, о. О там робы, дэ нэма народа, а в сэлі нэ робы нычого, о». І того Мартына прогнаў. Прогнаў, прыходыть до домы, до тых вжэ німцов. Чую гэтэ, шо сказаў, шчо дэ нэма іконы, то гэто комуністы, а дэ е ікона, то гэто Божы люды. І тато вжэ з ім говорыть. А я кай гэтыі хаты Дьяковыі, і до Люлькы, бо я знаю, шо там іконы нэма. Був верующчый, да нэма образа, о. І да Люлькі забэгаю, а воны сэдять обое, а я кажу: «Шукайтэ якого образа, да чэпляйтэ, бо будуть німцы ходыты, да будуть стрэляты дэ нэма образа». Огэ. Люлька за шапку, і да Прэсачыхы. А Прэсачыха — гэто була тэшча. Прыходыть, а в іх було два образы. Був йіхны образ, і Катеныі матэры образ. І прыбэгае Люлька до Калючыхы. Калючыха бэз хусткы побігла ў куток, о. А той Люлька да Прусачыхы. Прусачыха нэ дала образа. А воны стоять шчэ ў нас на надвірку, а ў Барбары [жанчына з вёскі], *було можэ й дванадцать образов, о. Вся стэна була обставляна образамы. Прыйшоў да Барбары, Барбара дала. А він у мэшок, тэе образа ў мэшок, згорнуў, под руку і пошоў. Пока й іх і пошоў на Полоніўку, о. Пошоў на Полоніўку».*

З вышэй прыведзенай гісторыі відавочна, наколькі быў мудрым солтус вёскі Чамярын. Дзякуючы кемлівасці і смеласці, ён захаваў жыццё аднавяскоўцам. Надзея Аляксандраўна працягвае:

«І вжэ мэнэ тато посылае по Апанаса, о. Эээх, як попірла бігом. А Апасас був подсолтусом, о. Посылае по Апанаса. Выжыно Надзька по Апанаса. Бэжу, а думаю, кому дэ шчэ сказаты, шоб, ну, у кого нэма образа, коб шукалы да чэплялы образа, о. Коб нэ пострэлялы людэй. Ну, дэ кого бігла, сказала пара чоловікам. І забігла да тых Крусів, а воны снідають, а я кажу: «Апанас, зовуть тэбэ німцы, огэ». Той Апанас някого кітэліка наложыў, шапочку, і бігом до тых німцоў, о. І пойшлы по сэлі. Тато пойшоў тым боком, а Апанас гэтым боком. І зайшлы до Копыташкы, і до Дмытра, якраз пройшлы гэты хаты. То ныкого, ціхо було, ныкого нэ пострэлялы. А туда, чы найшлы дэ в кого, чы нэ найшлы, хто його знае. Туда вжэ нэ ходылы. Зайшлы до Копыташкы, то с татом пойшло тры: німэц, поліцай, і тато. Ну, і з Апанасом гэ пойшлы. То кажэ поліцай: «Я йду пэршый, одчыняю одны двэра, другы двэра». І ідэ поліцай, а потом ідэ німэц, о. Закрывають двэра, і входять у хату: — Хто есть? — спрашвають. А воны, дві бабкы, а старая вміла говорыты на нэмэцьку. Да кажэ: «Паночко, паночко! Нас оно дві клейны, дві клейны, о. Ныма ныкого. А Хвэдора [сына] *вночі забралы партізаны, о». І трэба тому Хвэдору прыйті ў тэе врэмье. Тыі німцы выходять з хаты, прыходыть той Хвыдор, о. І за того Хвэдора, за того Хвэдора: «А хто ты, якый ты?» А він: «Ну сын, такы ж сын, я йду до домы, о». І на того Хвэдора да наложылы наручнікі, і прывэлы сюды ў гэтой Кісільков лёх, і шчэ зарэ він стоіть, у гэтой лёх прывэлы* [паказвае на склеп, які стаіць у суседнім двары]. *О, і голынького прывэлы і засадылы ў гэтый лёх , і всё. А йдэ ж з ліса, ідэ з ліса голодный, о. Прыгналы сюды і вжэ далей нэ пошлы, далей нэ пошлы. А вжэ такая Копыташка* [маці] *голосыть. Попрыбыгалы сюды обідвы, голосять, о. І баба, і мама, голосять: «О-ё-ё-ёй, сыночка ж, Хвэдора посадылы». І стоіть патруль кай двырэй, коло лёха, коб ныхто нэ войшоў. Просыў, просыў, тата той. Хлібца, і молочка бутылечку, і куфаечку, згорнэм всэ вмісцы і одчыны крошкы, да огэо впнэмо ў ты, у той лёх. Ну праўда, послухаў той патруль, послухаў. Згорнулы ўсэ, упхнулы тому Хвэдору. А ў ночі забралы того Хвэдора і повызлы».*

На шчасце, у час вайны былі жыхары, якія цудам засталіся ў жывых:

«То нідэ под Яновом [сучаснае Іванава] *пэрэстрэлка стала і воны ўтыклы. Хвэдор утік, бо як бы нэ ўтік, то забылы б, алэ ўтік. Завэзлы б у тэе Яново і забылы б. А тогді, як бы той Мартын стрэлыў, то нашу б деревню спалы б. Той бы час окружылы. Гэ, бы ў Хатыні. Позаганялы б у хліў, да попалылы б усіх. То ў нашым сылі мій тату буў солтус, а Апанас подсолтус. Як такы дела важныі, то Апанас нэ робыў. Нэ ў Тобілках нычого, нэ ў Чэмэрыні. Нэ довэралы Апанасу, о. Шчо трэба, то ніс Лакыс* [жыхар вёскі]*».*

«Прыйіхалы вжэ німцы в сэло, да собралы вжэ всіх людэй, позбыралы позбыралы і сказалы гэ: «Шчо воно німца заб'ють — всэ сэло тогді прыбэруть». То і молылыса, і хрыстылыса, алэ слава Господу, скілька німцы булы, ныводного німца нэ забылы. Так воны і пойіхалы. Да й козакы булы». [Макарская Надзея Аляксандраўна, 1930 г. н., в. Чамярын, Пінскі раён, Брэсцкая вобласць]

Паводле некаторых аповедаў, у час вайны адносіны немцаў да простага беларускага насельніцтва было строгім, але справядлівым. Немцы выконвалі загады. Нямецкія салдаты самі не хацелі смярцей, без нагоды ніколі не крыўдзілі, але калі хтосьці ім пярэчыў, кара была непазбежная:

«Я нэ знаю, хто гэто був, алэ в тэе врэмье пять солтусов: Чэмэрынскый, Тобільскый, Порїцкый, з Рудкы, і з Вэлэсныцы, пьять солтусов. Прыйіхалы, ну нэ знаю, чы то німцы, чы партізаны. Собралы і завэзлы на Мэрчыцкы́і моглыца. Завэзлы туда і прывозять мэрчыцкого солтуса, о. І там лэжаў такый камінчык, нэвэлыкый такый каміньчык білэнькый. І того каміньчыка положылы огонэц малэнькы. Поставылы гэты пьять солтусов у рад, а мэрчыцкого поставылы отдельно. І давай мучыты, о. Запалять дротыну, разобралы на голо, запалять дротынку і тыкають його. А крычаты нэ дають. Ну, енчыть, стогнэ, рэмжэ, а крыкнуты нэ дають. А гэты стоять тожэ, дэржацца за рукы, гэто ж як трудно дэвытыса. Той нішчо провэныўса ў іх, а гэтым хотілы показаты, шо як провынытэса, то й будэ з вамы гэтакэ, о. Шчо роблять: одрізалы ровэсныка кынулы, палять дротыну. Повыкольвалы очы, одрізалы вырэзалы языка, очы повыкольвалы. І вжэ мучылы, мучылы, мучылы, і всё, утых. Вжэ кончыўса».

У сітуацыі, калі жыццё можа абарвацца ў любы момант, менавіта тады чалавек пачынае яго цаніць:

«А гэты стоять, плачуть. Плачуть, рыдають, но гуку коб нэ було ныякого, нэ дають. Потушылы огонь, і шагом марш. Так воны як схватылыса ўтыкаты бігом, о. Алэ одын одного схватылы за рукы, за рукы і з моглыц выйшлы на дорогу. Выйшлы на дорогу, о. Тэпэр мы разходьмоса. То гэты з Рудкы і з Вэлэсныцы побіглы в одну сторону, а Тобільскый, Порїцкый, і Чэмэрынскый, тато мій, у поле. Забіглы ў поле, да ўпалы, да выплакалы ўсю гэту норму, гэту ўсю печаль. Усю муку, шчо ўбачылы, о. Полыжалы, полыжалы, отдыхнулы да кажэ: «Ну, устаем і ідэм. По якій мы стороні, чы мы до рэкы побіглы, чы мы ў полэ?». Подумалы, подумалы, да й кажэ [Чамярынскі солтус]: *«Наверно мы ў полэ. Коб нэ да рэкы, бо войдэм у рэку, чы дэ ў якэ озэро, о». А як у полэ, то там нэмае ж ныякго озэра. І тожэ вжэ йгэ йшлы, дойшлы до Порічча, зайшлы до Порїцкого солтуса, от. Постукаў, отдычыныласа*

жінка. Огэнэц малэнькы запалыла, дала по кубочку молока і хлібца. Пойілы, о, і кажэ: «Всё, ты вжэ оставайса, а мы вжэ тато с Тумашом йдэм вжэ на Тобілкы». Прыйшлы на Тобілкы, зайшлы да Тумаша, о. Тожэ збудылы жінку. Жыва, о, а йісты вжэ нэ йілы, нэ зхотілы. Пойшлы ў Чэмэрын, бо чэмэрынская можэ дэ ўмэрла ждучы, о. Прыходять вжэ до нас, у Чэмэрын. Прыходыть і Тумаш, і тато, о. Вжэ тогді мама дае ім обыём йісты. Пойілы, і ложацца обадва коб поспаты, а на нас сказала: «Коб і слова, і нэ пыскнуло, і нэ крыкнуло!» Коб воны поспалы, коб нэ збудылы. І поспалы воны, отдыхнулы крошкы, о. Ужэ сонэйко ўзышло, а Тумаш кажэ: «Алэ сказав на жінку, этэе, нэ жды мэнэ, колы я нэ прыду. І знай, шчо я жыў, я буду ў Чэмэрэні. Я буду ў Алеська ночоваты, о». Ўзышло сонэйко, тогді він устае, збыраецца. Шчэ поснідалы, мама наварыла, поснідалы. Ну кажэ: «Пойду дохаты», а тато кажэ: « Не, я тэбэ провэду». Дойшлы обадва до моглыц. Зайшлы на моглыца, да тожэ норму выплакалы, о. Посыділы да поплакалы гэту печаль. Як тэпэр нам буты. Мы ж бачылы ўсю гэту муку, і нас дожыдае гэтэе, о. І оно того мэрчыцкого. То іх, слава Богу, нэ годного нэ Рудского, нэ Вэлэсныцкого, нэ Порицкого, нэ Тобільского і нэ Чэмэрынского, гэты осталыса жывы. Алэ нэ знають хто гэто, чы то партізаны, чы то німцы зробылы. Гэтто ноччу було, позабыралы». [Макарская Надзея Аляксандраўна, 1930 г. н., в. Чамярын, Пінскі раён, Брэсцкая вобласць]

Асабліва цяжка прыходзілася дзецям, якія нягледзячы на весь цяжар ваенных падзей, жадалі дапамагчы дарослым:

«Знала, шчо тато думае, шчо він схочэ. Куда послаты, до кого. І я готова, я готова була.

Німцы в сэло ідуть. Ідуть ужэ бабы з ліса, а хто ж гэта, чого то тамыка. А куда ж? До первого солтуса. Він кажэ правду. Ноччу забралы молодёж, зогналы ў ліс. Можэ будэ йті шчэ молодёж, нэ стрэляйтэ, бо гэто вжэ втыкають от партізан, о. Бо партізаны забралы всю молодёж в сэлі, о. І знаю, Молодівка йшла, і шчэ няка баба з ею шла. Пэтра, Пэтра було забралы партізаны. А вона носыла йісты, о. Ну, то ждалы покамысь пострэляють. Алэ стрэляють, а воны з молодоўского ліса выходять і йдуть до грэблі. А воны стрэляють у гэту сторону. По рэці, коб пулі плёхалы, а сюда нэ стрэляють. У іх нэ стрэляють, алэ дають знаты, шчо есть стрэл. Воны думають, побычым, чы вы втэкатэмэтэ, чы не. Як воны нэ втэкають, то воны і нэ стрэляють. А як воны б втыкалы, побачылы, шо развэрнулыса, то можэ б і стрэлялы. А воны йдуть смело. Выйшлы напротів тато і німэц до іх ужэ, і пэрэговоршчык. Тато спрашвае: «Дэ, дэ булы? Куда загналы? Дэ, дэ молодёж?» У выдёрку. Він і расказвае, этому пэрэговоршчыку, о. У нас там, кажэ, ліс есть такы, выдёрок называеца. У выдёрку всі. Вся наша молодеж чэмэрынская ў выдёрку. Ну, ныхай, ныхай выходять. Выйшлы всі, ны застрэлылы ныкого, бо казалы правду. А як бы ж воны шлы да стріл почулы, да давай втыкаты, то стрэлялы ж по людях». [Макарская Надзея Аляксандраўна, 1930 г. н., в. Чамярын, Пінскі раён, Брэсцкая вобласць]

Надзея Аляксандраўна прыгадала цікавую гісторыю:

«Одын унук гораў города ў Аснежыцах, а той город до стороны до Піньска. Нэ туды, да до Піньска город. А пока й гэтого города була дорога, да чоловік ходыть. Він горэ, а чоловік ходыть. Сюда-туда, сюда-туда, сюда-туда, ходыть. А він догораўса, да бачыть, шчо цілый дэнь, скількі він горэ, стылькі чоловік той ходыть, о. Встаў, да кажэ: «Дядьку, чого ты ходыш гэтта?» А він кажэ: «Ходю, нэ подумай, чоловічэ, шчо я нэ розумный. Я чоловік розумный, я понімаю всэ». Алэ кажэ: «У нас тут була гэтая, яма була выкопана. А я, кажэ, йшоў, а лыжаў німэц. І йшоў чоловік, а сонэйко всходыть, а він [немец] *уліз у тую пэшчэру, да там заснуў, отдыхаў. А я, кажэ, йшоў. Бачу, фрыц лэжыть. Да ўзяў, да застрэлыў. А він надто просыўса, надто просыўса. Мэнэ і мармулядыю накормыў. І мэнэ так просыў: «Нэ стрэляй, бо ў мэнэ вэлыка сэм'я. У мэнэ вэлыка сэм'я, коб мні дойті дохаты». А я застрэлыў. А тэпэр мні зробылосо так, шчо я ходю, й ходю, й ходю. І нэ находю собі місца. Нэ сэдіты, нэ спаты, нэ стояты. Алэ коб гэ, ходю й, ходю й, ходю й, о. Застрэлыў, застрэлыў німца. Да кажэ: «А я думаю, жыто. Жыто й ж було, высыпалосо, вжэ було в колосках. Чому було нэ сказаты: «Вылэзь, да скрізь жытом поўзы ў гэту сторону, о. Скрізь по полі гэтым жытыйком поўзы. Запоўзэш до Брэсця гаж, о». Алэ застрэлыў. І от тэпэр я ходю й, ходю й, ходю й. Нэ дае душа спокою».*

Афіцыйная гісторыя, як вынікае з прыведзенага матэрыялу, не заўсёды адпавядае вуснай. Таму, на мой погляд, вельмі важным з'яўляецца вывучэнне вуснай гісторыі. Вусныя аповяды, успаміны, лісты, песні, прыпеўкі пра вайну — гэта жывая шматаблічная памяць. Самыя яркія, праўдзівыя, правераныя часам матэрыялы — гэта тыя, якія захоўваюцца ў памяці ўдзельнікаў вайны, людзей, якія яе перажылі. Актуальна гучаць і сёння словы М. В. Новікава, сказаныя яшчэ ў 1964 годзе: «Падзеі Вялікай Айчыннай вайны паступова выветрываюцца з памяці людзей і могуць быць назаўжды страчаны для нашчадкаў».

Каб гэтага не адбылося, яшчэ не позна нам, маладому пакаленню звярнуцца да памяці, жыццёвага вопыту, мудрасці ўдзельнікаў вайны, і энергічна, у магчыма найшырокім маштабе разгарнуць работу па збіранню ўспамінаў з ваенных гадоў і іх выкарыстанню дзеля захавання міру, узаемаразумення між рознымі народамі, краінамі.

Запіс 2015 г.

«Шуметь вэрбы»

***Из репертуара фольклорного ансамбля «Гута»
Домачевского поселкового совета Брестского района***

***

В кунци грэбли шумять вэрбы,
Шо я насодыла.
Ныма мого мылынького,
Шо вирно любэла.

Ныма его тай ны будэ,
Поихав в Одэсу.
А мни казав, роста мэла
На другую вэсну.

Росла, росла, пэрэросла,
Тай на поры стала.
Ждала свого мылынького,
Тай плакаты стала.

Плачтэ очи, плачтэ кари,
Така ваша доля.
Полюбэла козачэнька
Пры мисяцы стоя.

Ны я его полюбэла,
полюбэла маты.
Прыказала мыни маты
Ручнычке даваты.

Оден дала, други дала,
На трэтему стала.
А чэтвэрты шелком шэтый
Ручэньки звязала.

*Записано со слов
Качаловской Екатерины Якимовны,
д. Гута. 15.07.12 г.*

«Катюша у польщы»

Сам мый Коля косыть и сам загрыбае,
А его Катюша по Польщы гуляе.
Прыихала з Польщы, Коля глянув скоса.
Загрыб вин сино до одного покоса.

Колечка, мый Коля, вэльмы ны сварэся,
Прыихала з Польщы, то хутчэй дывэся.
Кажэ, як тут свэны, як тут корова,
Бо я прыихала вэльмы ныздорова.

Коля дорожэнький, завыдэ до хаты,
Помый мыни ноги и положы спаты.
А як я прочнуся, прынэсь мыни чаю,
Ой, бо я по Польщы то вэльмэ скучаю.

Ны сварыся, Коля, тэ старэнький диду.
Як будэш сварэты, то я в Минск поиду.
Минск такэй вылэкий, буду там спываты,
А тыбэ, мый Коля, буду забуваты.

*Записано со слов автора Качаловской Е.Я.
01. 05. 11 г.*

«Ой, саду, мий саду зэлэны»

Ой, саду, мий саду зэлэны.
Розвивя тэ раз навсигда.
Ой, там разлучалася пара,
Под ими дрыжала зымля.

Ны знае ны бвтько, ны маты,
Дэ дилася ридня дочка.
Пушла вона еи шукаты,
Лыжэть у саду ныжыва.

Дывылэся хлопцы, дивчата,
До чого любов довэла.
Такая молодая пара,
З любови в могелу пушла.

Записано со слов
Супрунюк Екатерины Петровны,
д. Гута. 06.06.12 г.

«Вырба, вырба»

Празныкова

Вырба, вырба, дэж тэ взросла,
Що твои лысце вода вныслa.
Вныслa вода край бэрэга,
А я молода, як ягода.

Пушла замуж за пьятого,
За пьяницу проклятого.
Пропэв коня вороного,
Идэ до стэноньки по другого.

Жынко моя, выкуп коня.
Як ны выкупыш, убью тебя.
Ны раз, ны два выкупляла,
Шовковым платком закладала,

В зылёным саду ночовала,
Рабу зызулыньку вэслушала.

«Ручаёк»

Тонки ручаёк, быстра водэця,
Кудэ быжэш и шо нысэш.
Кому коханне, кому розлуку,
А мни нычого ны нысэш.

Вэшыту сорочку пущу на воду.
Плывэ сорочка по быстрый води.
Зобачыть мэлый, то ёму скажеш,
Скажэ, що я его люблю.

Налыж сорочку, росчэшыш кудри.
Прыйдэ до мэнэ, скучно мэни.
Я буду довго тэбэ чэкаты,
Пока нэ стэхнуть соловьи.

Тонки ручаёк, чыста водэця,
Кудэ бэжыш и шо нысэш.
Кому коханне, кому розлуку,
А мни нычого ны нысэш.

Записано со слов Коренчук Веры Онуфриевны,
д. Дубок. 01.07.12 г.

«Отдала мэнэ мать»

Отдала мэнэ мать у далэку сторону,
У вылэку симью.
Вылэка симья вэчэраты сила,
А мынэ молоду вэрадылы по воду.

По водэцю я ишла,
як голубка рыдала,
За дрыбнэмы слызонькамы
я крынэци ны нашла.

Як крынэцю нашала,
я водэци набрала.
Я водэ набрала половэну вэдра.
Поки додому дошла,

Слызонькамы долыла.
Ой, дохожу под хату,
Шось у хаты гомонэть,
Маты сэна наварэть.

Чом горылки ны пьеш,
Чом тэ жынки ны бьеш.
А на шо ий биты,
колэ вмие все робэты.
А ны вмие робэты,
Прошу маты навчэты.

Як я ей брав, як з розы
Цвыточок зняв.
А тэпэр така стала,
Шо я сам ны пузнав.

Записано со слов
Супрунюк Екатерины Петровны,
д. Гута. 06.06.11 г.

Заўвага: *вытрымана асаблівасць мясцовай гаворкі.*

Русальны тыдзень на Берасцейшчыне

Іна ШВЕД,
доктар філалагічных навук, кіраўнік лабараторыі «Фалькларыстыка і краязнаўства» БрДУ імя А. С. Пушкіна

Адным з вельмі шанаваных у народным календары жыхароў Берасцейшчыны тыдняў з'яўляецца Русальніца, якая пачыналася ў панядзелак пасля Сёмухі. У гэты час забаранялася прасці і ткаць, садзіць гародніну, гарадзіць платы і пад. Асабліва сцерагліся працаваць у «Градовую» («Сухую») сераду (як і пасля Пасхі), каб не наклікаць градабой, навальніцу ці засуху. «Ну после Пасхі, у се́рэду, то гэто назваецца после Пасхі Сухая серада, у горо́дзеніц не трэба робіці, бо ўсе посохне. После Пасхі, в серэду. А после Тройцы — Градова́я серэда́ — град усе поб'е. Тожэ ў горо́дзеніц не трэба робіці ў серэду. Это называецца Градовая, гэто град поб'е, о» (Кацёлкі Пружанскага р-на), «После Тройцы, говорать, Сухая сэрэда. І нэ надо на йійі робыты нікогда — это шоб град нэ побыў огороды. А колы на Сухую сэрэду будэш робыты, то будэ суша, засушыть усэ на полі» (Стытычава Пінскага р-на) [1, с. 142].

У гэты час актуалізаваліся ўяўленні пра русалку:«Як руніць жыто, по жыце хадэлы русалкі» (Орхава Брэсцкага р-на),«Детей пугалі: «Смотрі, — говорят, — шчас прідет русалка». А дітязнае, шотакэ русалка?.. «Такая баба, говорыть, — лахматапрідет і заберет»(КудрычыПінскага р-на). Жыхарка в. Орхава апавядала нам, як у Русальніцу да яе ў агарод, дзе рос гарох, прыйшлі тры маленькія хлопчыкі, як лялькі, у белых сукенках, падвязаныя чырвонымі паяскамі. Яны гулялі ў гаросе, штурхалі адзін другога, а потым зніклі. Гэта былі русалачкі. Звычайна русалкі ідэнтыфікуюцца як душы памерлых. «А хто такая русалка? — А гэтодзеўка,якая памерла незамужнею» (Мачулішчы Камянецкага р-на). «Я вот відзела русалку. Пры Польшчы то. Мы спалі, было месячно. Я глянула, коло дверэй стоіт девушка. Как то раньшэ ходзілі в белых плацях і она перевязана такой крайкай, ну пояс такой узорный. І я відела і брат муй відел. Мы будзілі отца, он не відел. Говорілі, што девушка стоіт в белом плаці, красной крайкай падвязана і стаяла коло дверэй. Ацец пойшол на дверь, на уліцу глянул, говоріт, прыснілось. Как нам могло прысніцца, еслі я спала з мамкай і села і смотрю, а брат с отцом спал і он, мы двоя віделі?! Потом бабушка говоріць, отца маць: «Это была моя дочка, русалка, еслі б вы мне разбудзілі, то можа я её ўвідела» (Орхава Брэсцкага р-на). «Русалкі — гэта душы мёртвых. Оні после Троіцы ў Русалніцу ходзяць. Много людзей відзяць, што по рожы русалкі ходяць, а следоў няма, бо оні — как душы» (Орхава Брэсцкага р-на).

Лічылі, што памерлыя на гэтым тыдні становяцца русалкамі: «Умерла дочка... Жылі у хаце многа сямей кода-то, і померла дочка у старухі. І она умерла на Русальной ныделе. А хто поміраена Русальной ныделе, сьчытаюцца русалкі. І вот она як умерла, у неё не было одзёжы. Яе плохо одзелі тогда. А у яе мужыка сястры была красівая юбка. І тада не была шкафоф, а былі сундукі. І вісела юбка на такой жэрдачке. Як свякроў пайшла карову даіць, і тады яе дочка прыйшла да нявесткі і гаворыць: «Дай мне адзець тваю юбку, бо все там красіво ходзят, а я не красіво». А она ходзя і утром, і по росе. А на Русальнай ныделе должэн дождь ідті, шчоб русалкі купаліся. І она замочыла тое плаце сільно. Прынесла і повесіла на жэрдачку. А калі свякроў замеціла, почала ругацца на нявестку, што не беражэ адзёжы. А она гаворыць, што это не она, а яе дочка — і расказала як было. А свякроў пачала крычаць: «Ты што! Зглузду з'ехала! Моя дачка памерла! Як яна магла прыйсці!» І тады нявестка сказала, штоб она пільнавала свою дочку на следуюшчый год на Русальной ныделе, бо тая прыйдзе і зноў адене. І она это на следуюшчый год угледзела яе і схапіла за руку. І не отпускае яе. А она сядзіт і нічога не гавора, а толькі, калі яе маці выйшла, сказала нявестке, штоб тая, калі варыць есці, не закрывала, каб пар ішоў, а яна будзе паром гэтым пітацца. І вот сядзела она у іх цэлы год. Як она прыйшла, то такая красівая была, а за год посядзела, то як цень ад яе асталася. На следуюшчый год она ад іх ушла на Русальной ныделе, і больш не паяўлялася» (Лышчыцы Брэсцкага р-на). Апавядаюць таксама пра выраб і знішчэнне рытуальнага пудзіла русалкі. «Яна [Русальніца] празднавалася акурат праз тыжджэнь пасля Троіцы. У гэтую нідылю дзеўкі пісні спявалы. Убіраюцца у кветкі, плятут вянкі. А у руках носят сухі май. Ідут да рэчкі і робят з маю ляльку-русалку. Носят на полі яе з піснямы, а вечарам кідают ляльку у ваду — топят русалку. Дзеўкі у гэты дэнь гулялы без хлапцоў, каб не разгнявіты русалку. [А как выглядела русалка?]. — Молодая дзеўка з валасамі распушчанымі, з вяночкамі і ў белым адзенні»(Мачулішчы Камянецкага р-на).«У ныділю на Русальнойныділі, а гэто восьма ныділя после Пасхы, палылы русалку» (Рухча Столінскага р-на).

Паводле русальных песень, на Русальным тыдні русалкі «рана-ранюсенька» ўступаюць у камунікацыю з людзьмі, намагаюцца вярнуцца да

жыцця: «На Граной нэділы русалкі сэділы, // Рано-ранюсэньку — русалкы сэділы. // Русалкы сэділы, на дівчат дывылысь, // Ой, рано-рано, на дівчат дывылысь. // Дівчатка-сёстрыцы, подайтэ водыцы, // Ой, рано-рано, подайтэ водыцы. // Подайтэ водыцы з холодной крыныцы, // Ой, рано-рано, з холодной крыныцы. // З холодной крыныцы, з-пыд тэі вэрбыцы, // Ой, рано-рано, з пыд тэі вэрбыцы. // Подайтэ водыцы душу прычыстыты, // Ой, рано-рано, душу прычыстыты. // Душу прычыстыты, да жызнь мою вэрнуты, // Ой, рано-рано, жызнь мою вэрнуты. // Буду я з вамы краскы збіраты, // Ой, рано-рано, краскы збіраты, // Краскы збіраты, пісьні співаты, // Ой, рано-рано, пісьні співаты» (Спорава Бярозаўскага р-на). Цікава, што сучасныя дзеці намагаюцца выклікаць русалку: «Трэба ўзяць банку поўлітрову, наліць туды воды. Потым узяць росчоску тую, якой росчэсваецца хлопэц. А тэ ўседолжнаробіцьдзеўка, хлопцу нельга. Росчоскупокласці ў банку з водой. Поставіць банку пыд ложок. І ўночэ, ў дванаццацьчасоўночы, выйдзе русалка» (Рубель Столінскага р-на).

У некаторых раёнах Брэсцкай вобласці (Іванаўскім, Івацэвіцкім, Лунінецкім, Пінскім)у чацвер на Русальным тыні («Намская Трійца») памінала памерлых продкаў. «У чэтвэр нічога не робілі, празновалі як бы за мэртвых. Намскі — это за ўмерших празнік. На могліцы не ходзілі, это было запрэшчэно, потому што як хто пошоў і што-то там зробіў на могілцы — обязательно засуха падусыцца. І пійдуць старэйшыя бабы, што бачылі, што хто-та там рабіў на могліцах, пыдуть і раскідають тое, коб дошч попадаў». У Пінскім раёне, наадварот, у гэты дзень наведвалі памерлых продкаў з пачастункам: «Заносым — і лэпуху заткнэм, і булочку, шо собі спэчэмо, занэсэмо на кладбішчэ, яйко крашэно і конфет положымо душам. Поўно кладбішчэ людэй» [1, с. 142].

У чацвер дзевятага тыдня пасля Пасхі ў некаторых мясцовасцях адзначалі (асабліва каталікі) «Дзевятуху» — «воровита свята», калі забаранялася працаваць і пачынаўся збор ягад у лесе. Увалачобных песнях Дзевятуха разам з Дзевятнікам адказваюць за адзін з этапаў росту жыта — абдзіраюць ды робіць яго роўным. На «Дзесятуху» (дзесятая нядзеля пасля Пасхі) маглі асвячаць у храме лекавыя зёлкі, праводзіць кірмашы.У в. Мясяцічы «паломнікі прыязжаюць на Дзесятуху»: «Сама більшае багацтва — то цэрква наша, Параскевы Пятніцыцэрква. Пабудавана ў 1794 годзе. Ікона ў нас ёсць Божай Мацеры. З рэчкі яе вылавілі, плыла па вадзе. Стары адзін замеціў, вылавіў і дахаты забраў. А ноччу сон бачыў, што просіцца Божа Маці, кааб аднёс у дом свой. У свой дом — значыць у царкву. Вось і занеслі яе ў царкву. Маці мая расказвала, што як я радзілася ў саракавым годзе, а патом на мой дзень ражджэння пайшла яна ў царкву, малебень хацела заказаць. Людзей у цэркві багата було. Усе ўдзіўляліся, што ікона наша пацямніла. Знак то быў, перад вайной! Падказвала людзям пра бяду. Да што тут казаты? Іконанашацэліцельная. Кожны год да нас паломнікі прыязжаюць на Дзесятуху... У гэтыдзень яна з'явілася да людзей, у гэты дзень і праслаўляюць» (Мясяцічы Пінскага р-на).

Літаратура

1. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. У 6 т. Т. 4. Брэсцкае Палессе. У 2 кн. Кн. 1 / В.І. Басько [і інш.]. — Мінск : Выш. шк., 2008. — 559 с.

«Бородаркі»

У Западнай Беларусі існавала прыгожая язычніцкая традыцыя свята «Бородаркі» — зазыў вясны на зямлю. Прыроднае абуджэнне першымі абвяшчалі птушкі. У адпаведнасці са старажытнымі ўяўленнямі, прадвеснікі вясны з'яўляліся ўвасабленнем душаў нашых продкаў.

Рытуалы, звязаныя з гуканнем вясны, працягваліся, пакуль земляробцы не выходзілі на поле рыхтаваць глебу пад вясенні пасевы.

Усё навокалле упрыгожвалі рознакаляровымі лентамі, яркімі птушкамі, выразанымі з паперы, якія вешалі на дрэвы, як мага вышэй.

У вёсцы Ляплёўка Брэсцкага раёна клікаць вясну пачыналі дзяўчыны, якія спявалі песні–вяснянкі:

***

Ой, вжэ нэ далэчко
чырвонэ яечко.
Ой, рано, ранэнько
чырвонэ яечко.

Дай Божэ дождаты
яечком пограты.
Ой, рано ранэнько
яечком пограты.

Ой, ты, жаворонку,
ранняя пташэнько
Ой, рано ранэнько
ранняя пташэнько.

Ой, чого ж так рано
з вирья прылитила.
Ой, рано ранэнько
з вирья прылитила.

Мэнэ пташки былы,
з вирьичка гонылы.
Ой, рано ранэнько
з вирьичка гонылы.

З вирьичка гонылы,
кубла розбыралы.
Ой, рано ранэнько
кубла розбыралы.

Кубла розбыралы,
ейца выкидалы.
Ой, рано ранэнько
ейца выкидалы.

А я нэ стэрпила,
до вас прылытила.
Ой, рано ранэнько
до вас прылытила.

Ой, ты, чоловичку,
загороды рычку.
Ой, рано ранэнько
загороды рычку.

Шчо б нэ вылыталы
птахи пташынята
Ой, рано ранэнько
птахи пташынята.

Шчо б нэ выносылы
травы пэрэвясла.
Ой, рано ранэнько
травы пэрэвясла.

***

Била гусонько, дэ булла.
За морём морём Зымовала,
Свои дэтоньки годовала.

Свои дэтоньки Годовала,
Погодовавши распорадыла.
Роспорадывши сама лынула.

Дэ ж ты бував, чорный кручку.
За морём морём, билая гуско.
Што ты бачыв, чорный кручку?

Твои дытоньки билая гуско.
Чом ты нэ брав, чорный кручку?
Боявся тэбэ, билая гуско.

Нэ буйся мэнэ, чорный кручку,
Бэры дэтоньки под свою ручку.
Бэры дэтоньки под свою ручку,
Вэды до мэнэ дай на толочку.

Положу я кладку вэрбову
Ой, рано рано Вэрбову.
Чес дывоньки до дому.
Ой, рано рано до дому.

***

А ты, Манё, прыостань.
Ой, рано рано Прыостань.
Бо прыйдэ пышны пан.
Ой, рано рано пыщны пан.
Прывэзэ вынок з лилии.
Ой, рано ранэнько з лилии.
Шыхуйся, Манё, к ныдили.
Ой, рано ранэнько к ныдили.
Прывэзэ вынок с чэбрыцю.
Ой, рано рано с чэбрыцю.
Шыхуйся, Манё, до вэнцю.
Ой, рано рано до вэнцю.

Записано со слов Луцюк Евдокии Патеевны
в 1997 году, д. Леплёвка

ЛІТАРАТУРНАЯ СЯДЗІБА

Представляем нового автора

Надежда ГЛАДКОВА

20 лет, г. Брест.

Студентка IV курса Брестского государственного технического университета, строительного факультета (специальность — архитектура).

Издан поэтический сборник «В тени этих комнат», г. Минск, 2019 г.

Обладатель II места в республиканском конкурсе литературного творчества студентов учреждений высшего образования «Автограф», Минск, 2018 г.

Увлекается рисованием, пением, сочиняет музыку и песни на свои стихи.

Участница Фестиваля молодых писателей России, Беларуси, Украины и Молдовы, который проходил в рамках международной Минской книжной выставки (5-9 февраля 2020 г.)

Декабрь

Люди сегодня болтают моими фразами.
Выкрали их с моих губ и пускают по ветру.
Площадь напичкана светом, огнями и стразами,
Декабрь я пройду без остатка, метр за метром,

Сорваться на бег — легче лёгкого. Страх и усталость
От всех недомолвок и игр подстегнут, будто кнут.
Декабрь я пройду, мне идти-то тут самую малость.
Вокруг меня люди, пространства, деревья — мрут.

А я не умру, я декабрь этот сонный отмучу,
Ты б сжал меня крепче — я б жить пожелала века.
Я стала бы чище, клянусь, я бы стала лучше,
Но все привыкают. И ты обещай привыкать.

Млечный путь

Затуманенной нежной сонатой,
Искропадом в уставшую грудь,
Через времени пропасть — канатом:
Так предстал предо мной Млечный путь.

Отпущенье томящейся пленной —
Звездопад; из напевов вдали
Приняла откровенье Вселенной
И ни с кем не посмела делить.

Рассекается небо на части,
Проливается темень из рук...
Две звезды мне упало — на счастье,
Я их обе себе заберу.

Посвящение

Мягкую лживую мебель
Мы променяли на воздух,
Ночь тени ласково стелит,
Ночь в своей тени — нежна.
Есть ли ценнее на небе
Что-то, чем эти звёзды,
Если их поровну делим,
Если они — только нам?..

Мы — позбытые дети,
Ветхие меряем платья,
Ветхие вымыслы столь же
Носим — десятками лет.
Есть ли теплей на свете
Что-то, чем жест объятья,
Если он греет больше,
Нежели чай и плед?

Пусто в пиру трактира,
Шум его — злее злого.
Грома не надо и молний —
Я испросила отчёт:
Есть ли важней у мира
Что-то, чем наше слово,
Если оно — наполнив
Душу — из глаз течет?..

Сон

Ночь меня зажала в своей пасти:
Каюсь о несбывшемся в строке.
Все слова, все рифмы и всё счастье
Умещаются в твоей руке.

Кто-то снова растолкает в темень,
Упрекнет за говор в полусне.
Пусть под пули взбалмошное темя,
Я идти готова — если с ней.

Утром солнце пряди рассыпает,
Нос щекочет, золотит паркет...
Я спросонья всё ещё слепая:
Вся сосредоточена в руке.

Просила покоя

Снова истома мне голову
в руки сложила,
Солнцем разнежило
или томленье такое...
Сколько дорог простирало
ко мне свои жилы!
А я взамен попросила
всего лишь покоя.

Не для снопов — на меня! —
остро точатся вилы,
Имя себе нарекла:
пусть запомнят изгоем.
Сколько мне трепета отдано было,
мой милый,
А я взамен попросила
всего лишь покоя.

Я бы боролась,
но разом покинули силы.
Сброшен со скал,
тело быстро уносит рекою.
Сколько швыряло меня,
сколько бурей носило,
Но не себе — для тебя —
я просила покоя.

Сердце

Было — вселенское,
было — и вышло,
Отдано в руки другим.
Ты мне стал более
чуждым, лишним,
Более — дорогим.

Горечью правды
и сладостью мига
Режем последнюю связь.
Сердце отпущено?..
Кончена книга.
Только над нею власть.

Вышли к закату,
кругом последним
Ознаменован обряд.
Мы по пескам:
не исчезнешь бесследно.
Стопы горят.

Мы по горам,
мы по грунту и лужам —
Я не запачкала ног.
Вышли к закату,
и кружим, и кружим...
Скоро ль итог?..

Вот и развилка,
дальше — быстрее
Врозь, ибо ношу — долой.
Кто-то опять
меня подло подстрелит —
Больше не скроешь скалой.

Яда просили в общую пищу.
Вот и последняя речь.
Наше прощанье — оно было чище
Всех наших встреч.

Тянется сердце твоё, рвёт оковы,
Сквозь бытия миражи —
Мне в ожидании сердца такого
Стоило жить.

Свобода

Обмякнет тело, потухнет разум.
Свобода — ценность,
истратишь — бедствуй.
В кредит не выдам —
бери всё сразу,
Иль убирайся, коль не по средствам.

Скуднеют души, стареют лица.
Свобода — свежесть,
полёт над пылью.
Дай фору в небе
бесстрашным птицам,
Иль убирайся, коль не по крыльям.

Закроют ставни, огни погасят.
Свобода — дом мой,
где б ни носило.
Её получишь —
забудь про пассий,
Иль убирайся, коль не по силам.

Беспокойство

Раскатились, вихляя, в обочины,
Как колеса, что сняли с осей.
Беспокойство твоё беспочвенно:
Я не мёрзну. Совсем.

Разве важно тебе, что скоплено,
И где брошен спасательный круг?
Ведь душа — зеркальная копия
Холодеющих рук.

Рвётся зимнее буйство мне под полу
Вереницей иголок седых,
Пусть по грунту пылятся, п
усть по полу —
Я не чувствую их.

Белый пар над угрюмыми дачами,
Иней ласково гладит окно.
Опоздала твоя озадаченность:
Я замёрзла. Давно.

Где меня отыскать

Где меня отыскать?.. Там, где небо и вечные ливни,
Где оставлена кем-то глотать со слезою ветра,
Где ни звука не слышно, и слово последнее — гибнет,
Где нельзя рассмотреть ни ресниц, ни изгиба бедра,

Где не топчутся ноги, не шаркают шины, где выше
Только Бог и густые, глухие к мольбам небеса.
Как войти ко мне?.. Так, как когда-то, не думая, вышел,
И по тем же дорогам, о коих когда-то писал.

Ты застанешь меня всё за тем же тоскливым занятьем:
Будут книги, стихи, будут клавиши, струны — и в них
Столько боли и правды: откуда — самой не понять мне,
Но коль хочешь, чтоб я улыбнулась, то просто кивни,

Но коль хочешь: руки — протяни, мне под силу, я справлюсь,
Я любого спасу, отмолю без икон и свечей,
Одарю всех и вся — лишь себя я стращаю и граблю.
Где меня отыскать?.. Расскажу, если знаешь — зачем.

Двойник

Время снова затихло. Я медленно таю на дне.
Всё знакомо до боли, но чуждо; понятно, но странно.
Что ты скажешь? Что будто бы нет больше слёз и теней?..
Будь спокоен, я плачу. И тени со мной непрестанно.

Что ты скажешь? Что я слишком много смеюсь?
Что фальшива при свете, бледна и безлика ночами?..
Я всего лишь топлю в этом хохоте злую змею,
Что пригрелась за годы в горячей, зудящей печали.

Что ты скажешь мне, зритель? Провален мой моноспектакль?
Я сыграла нулём; на мне ставили крест, не крестили.
Может, видишь клеймо на мне, знак или жуткий пентакль?
Может, ты потерял меня в стоках пошибов и стилей?..

Что ты скажешь в укор мне? Что я изменила причал,
Что себя предала, что запуталась в каждой доктрине?..
Если так, в этом случае лучше б ты просто молчал.
Да и что мне расскажет двойник в потемневшей витрине.

Александр ВОЛКОВИЧ

Долгие проводы — лишние слезы

Отрывок из повести «Житняя Баба»

В тот день, когда отец уезжал на фронт, они с матерью долго шли пешком из деревни на станцию в Осмоловичи, стараясь не отстать от пешего строя мобилизованных односельчан. Война и без того частой гребенкой прочесала мужское население окрестных населенных пунктов, оставив на последний набор самых непригодных.

Среди них оказался стрелочник Илларион Козлов. Перед войной его не забирали, потому что держала железнодорожная броня. Во время оккупации немцы не трогали по причине непризывного возраста, хотя в свои пятьдесят стрелочник выглядел молодцом.

А весной 1943 года, сразу после освобождения села Осмоловичи и прилегавших к нему деревень Могилевщины, отставной солдат добровольцем вызвался на фронт.

Таких, как он, нестроевых, ограниченно годных и только-только достигших призывного возраста набралось в округе человек семьдесят. Большинство — из Похмелевки. А также — из Богдановки, Дряглевки, Лозовицы, Тошны, других деревушек и выселок, окружавших головное село.

Минуя росстань за селом, многие из провожавших и провожаемых осеняли себя крестным знамением, на ходу поворачиваясь лицами к придорожному кресту.

Бабы, чьи мужья и сыновья уезжали на войну, крестились поголовно, можно сказать, полобно — неистово. Старшие мужики — через одного. Молодые новобранцы — прятали глаза. Комсомольцы.

На станции строй распустили. Призывники поспешили к своим, те обступили отъезжавших, образовалась толчея, постепенно распавшаяся на группы и группки. До объявления отправки пришлось ждать долго; людей несколько раз строили, делали перекличку. Потом привезли на полуторке и стали выдавать военное обмундирование. Оказалось, что в кузове были только мотки брезентовых солдатских ремней с почерневшими от складской плесени железными пряжками.

Ремни раздали.

Отец, подпоясанный поверх пиджака брезентовой лентой зеленоватого цвета, стал похожим на военного и каким-то немного чужим.

Дуняша как ухватилась детской рукой за ремень, так и не отпускала от себя отца до самой посадки в вагон-теплушку. Еле-еле удалось матери ручонку оторвать, разжав побелевшие пальчики. Чувствовало детское сердечко: последний раз живым родителя видит.

Мать, напротив, даже слезинки не уронила. Посчитала, что негоже перед разлукой и людьми плакаться, мужа в тоску вгонять. А тут состав подошел, которого полдня ждали: все уже переговорено, помянуто, наказано, к чему лишние слова? Долгие проводы — лишние слезы. Мать даже подштурхнула легонько замешкавшегося в толчее супруга: дескать, другим проходить на посадку не мешай... Долго еще будет потом себя корить за непроизвольный толчок... Все видела Дуняша, все понимала...

Писем с фронта от отца не приходило. За исключением казенного конверта в августе 1944 года. Война в то время бушевала уже на просторах Польши.

В скупых строках извещения за подписью командира воинской части значилось, что красноармеец Илларион Козлов погиб смертью храбрых в боях под городом Пропойском в Белоруссии. Там и захоронен в братской могиле.

Совсем, значит, недалеко от родных мест батяня отъехал и на белорусской земле героическую смерть принял, решили в семье.

А еще позже вернулся с фронта в Похмелевку бывший колхозный бригадир Митяй Матохин. С культей вместо правой руки. От него и узнали: призванные мужчины из Осмоловичей и окрестностей, что отправлялись на войну в тот памятный день, были направлены в одно воинское формирование под город Пропойск, где и надолго застряли в болотах вдоль реки Проня. Почти полтора года наши пытались прорвать здесь фашистскую оборону. Почти все полегли — осмоловические, похмелевские, богдановские, лозовицкие, тошнинские... А от Иллариона Козлова только ремень брезентовый остался на немецкой колючей проволоке, которую боец с другими доброхотами полез разминировать...

«Такие вот пироги с котятами», — добавил тогда Матохин.

После войны на могилку отца и мужа не съездил никто, хотя мать просила и перед своей смертью наказывала: «Езжай, Дуняха, праху родителя поклонись, сама я не доеду...». А когда было ехать? Хозяйство Евдокию держало. А вот сейчас и сама отправилась к черту на кулички, через всю страну, аж на Курилы...

«Интересно, город Пропойск уже минули? — думала Евдокия. — Наверное, он все-таки в стороне остался...»

Этот Пропойск, будь он неладен, давненько в мозгах у Евдокии свербел. С тех пор, как впервые о нем услышала...

Дело было на осмоловической станции, в буфете. Сюда повадился фланировать не только горбатый Муравчик (поискать бы таких дурачков!), но и многие из окрестных жителей в надежде узнать последние новости с фронтов, которые отодвигались в то время от ихних мест все дальше на запад.

Черная чашка репродуктора, объявлявшая прибытие и убытие поездов, иногда оживала голосом Левитана, передававшего приказы Верховного Главнокомандующего товарища Сталина и реже — сводки Совинформбюро.

В тот день случился завоз долгожданного бочонка с пивом из запасов возрожденного сельпо — говорят, что бочонок приказал выставить населению начальник станции в честь очередной победы Красной Армии.

Как только репродуктор ожил — наступила тишина.

Левитан зачитал приказ товарища Сталина об освобождении нашими войсками города Мстиславля, о том, что сегодня, 25 июня, в 22 часа столица нашей Родины Москва будет салютовать доблестным войскам 2-го Белорусского фронта, форсировавшим реку Проня и прорвавшим оборону немцев на могилевском направлении, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий...

Мстиславль находился от Осмоловичей в нескольких сотнях километров, почти рядом; люди, набившиеся с перрона в буфет, кричали «ура», чокались пивными кружками, обнимались и целовались.

А ровно в 22 часа вывалили все разом из помещения, как будто салют из далекой Москвы можно было отсюда увидеть.

Евдокия нечаянно подслушала разговор подвыпившего инвалида-фронтовика с путейским рабочим, одетым в замызганную спецовку.

Инвалид был на коляске, с одинокой медалью на гимнастерке, нездешним — такие разъезжали поездами по всем направлениям, пели жалостные песни под гармошку, собирали подаяния. Иногда их забирала линейная милиция, ссаживая на больших и малых станциях.

«Почему Пропойск не хотят брать?! — грозно спрашивал пьяненький инвалид у случайного собутыльника, с которым угомонили уже не один «мерзавчик». — Не знаешь, мазутная душа? А я ведаю. Я там был, почти рядом. Вот и шасси свои там оставил... А как прикажете товарищу Сталину докладывать, что вышибли, наконец, немцев из этого города? Так, мол, и так, товарищ Верховный, — Пропойск освободили?!

— А чего раньше чухались? — спросит товарищ Сталин. — Где ваши танки, авиация, артиллерия, инженерная поддержка? Что же вы пехотным пузом на фрицевские доты и дзоты прете, солдатиков кладете не за понюшку табака? Сами пьянствуете, так считаете, что и в Пропойске немцы вусмерть пьяны, голыми руками их бери?»

«Пока не отыщут подходящее название городу — войска не двинут. Не с руки, — сделал вывод инвалид. — Опять же незадача — без согласия товарища Сталина никто переименовать не отважится.... Колечко получается...»

«Выходит, из-за поганого пьяного слова отцу с товарищами-солдатами, засевшими в окопах под Пропойском, никто на помощь не идет?» — спрашивала себя Евдокия после подслушанного разговора.

Хотела было выпытать у инвалида подробности, но его уже Володомир Муравчик с младшими мальцами покатили на низенькой тележке с колесиками в село — ночевать к одинокой хроменькой Меланье. Оба калеки — два сапога пара. Слюбятся.

Пьяный инвалид размахивал, как противотанковыми гранатами, ручками-упорами с набитыми на них резиновыми набалдашниками и кричал: «За родину! За Сталина!»

Обе ноги были ампутированы у солдата почти по пах.

Нынче редко встретишь на станциях, в вагонах поездов, на вокзалах больших городов, на улицах местечек и сел таких покалеченных войною бедолаг. Говорят, после войны их стали собирать, отлавливать в поездах и на вокзалах и свозить на остров Валаам, дабы не портили своим страшным обликом мирную жизнь... А то сплошной Пропойск из страны, победившей Гитлера, устроили...

«Я был батальонный разведчик,
А он — писаришка штабной,
Я был за Расею ответчик,
А он спал с моею жаной.
Ах, Клава, любимая Клава,
Ты знаешь, как мне тяжело?
И как ты, могла ты, шалава,
Меня променять на яво?...»

Такую песню распевал-плакал безногий солдат, наяривая на гармошке...

А фамилию отца, Иллариона Козлова, вместе с именами других односельчан, погибших в Великую Отечественную войну, позже выбили на постаменте-стеле, установленной посередине села возле клуба — бывшей церкви. И хотя прах красноармейца Козлова покоится в братской могиле на берегу реки Проня под городом Пропойском, мать с дочкой к деревенскому памятнику в День Победы и на Дзяды регулярно приходили. Ахвярные рушники вешали и меняли на свежие. Не забыть бы, обновить...

Вольга САНДРЫКАВА

Берасцейская казка

На захадзе зямлі беларускай, сярод палескіх балатоў у невялічкай вёсачкі Соя, каля Берасця жыў хлопчык Барыслаў. Блакітныя вочы хлопца былі нібыта палескае мора, ці поле льну ў яго бясконцай краіне. Светлые выласы хлопца-ліцвіна завіваліся як у маленькага анёлчыка. Калі ён апранаў на галаву саламяны капялюш, то з пад яго выглядалі смешныя кудзеркі. Рана ён застаўся без бацькі. Але ж той пакуль быў жывы перадаў хлопцу сваю ганчарную справу, навучыў гараць і сеяць. А галоўнае ён пакінуў хлопцу любоў да музыкі. Бацька Барыслава, Барыс быў цудоўны музыка. Мог сам рабіць інструменты і вельмі прыгожа граў на іх. Усе наваколле збіралася на свята, каб паслухаць музыку. Нават з самаго гораду Берасця прыходзілі людзі. У народзе казалі, што ў яго ёсць інструменты, якія робяць цуды. Была ў яго дуда, якую бацька аберагаў больш усяго. Перад смерццю Барыс пазваў да сябе сына ў пакой і нешта яму паведаміў. Пасля зачыніў вочы і ціха памёр. Барыслаў на ўсё жыццё запамятаваў словы бацькі. Былі гэтыя словы нібыта наказ ці запавет нейкі.

Новую хату бацька так і не паспеў пабудаваць. Барыслаў застаўся з маці ў драўлянай хаце сваіх продкаў. Была яна маленькая, нават паходзіла на альтанку, але ж вельмі прыгожую. Кожную суботу матуля убірала яе і вешала на вокны чыстыя фіранкі, а з вясны па восень яшчэ і букет духмяных кветак прыносіла. Сцены хаты ўпрыгожвалі матуліны вышываныя карціны. Сярод іх адна была незвычайная. Вабіла яна чымсці да сабе кожнага. Нібыта ў ёй нейкая разгадка жыцця была. Стол які стаяў пасярод пакоя, быў засланы абрусам з цікавымі казачнымі вузорамі. На кожнае свята ў Ганны былі вышытыя асаблівым вузорам рушнікі і абрусы. Далёка славілася Ганна-майтрыха сваімі талентамі. Вельмі шанаваў сваю матулю Барыслаў, заўсёды ёй дапамагаў: у полі, у лесе, у хаце. Перад святамі рабілі яны з матулей цукравыя ласункі ў выгладзе жывёл ды пяклі прыгожае печыва, якім заўсёды шчыра дзяліліся з суседзямі. А на святы Барыслаў граў на бацькавых інструментах. Сярод іх былі: гуслі, дуда, ліра, жалейка, нават сурма, на якой граў бацька ў войску, калі хадзіў у паходы, а для Ганны зрабіў Барыс цудоўную лютню.

Улетку збірала Ганна травы для гарбаты, таму нават узімку ў іх хаце быў цудоўны водар. Духмяныя прыправы да мясных вядлін ведалі ўсе гаспадыні іх краю, да і не толькі!

Даведаўся аднойчы пра Ганну-майстрыху суседні пан. З надыходам маразоў, калі на раце Мухавец стаў моцны лёд, а каля іх паселішча Соя ўсе балаты сцягнуў мароз, прыйшлі паслужнікі пана да Ганны і кажуць:

— Збірайся Ганна, будзеш цяпер нашаму пану служыць.

Спужалася жанчына. Нешта нядобрае адчула яе сэрца. Забегла яна ў пакой да сына і кажа:

— Вось табе Барыслаў льняная кашуля. Калі будзе сумотна ці цяжка ў жыцці надзень яе, а калі зусім не будзеш ведаць што рабіць, — знямі з сябе гэты пояс і кінь на зямлю. Барыслаў узяў матчыны рэчы і не паспеў нічога адказаць як уварваліся паслужнікі пана, разам з нейкай страшеннай пачварай, схапілі і ўвезлі Ганну.

Не ведаў хлопец што рабіць. Пачаў пытаць у суседзяў, што яны бачылі. Ніхто нічога адказаць хлопцу не змог. Узяў тады Барыслаў кашулю, апрануў на сябе і кажа:

— Дапамажы мне маці, накажы дзе цябе шукаці?

З'явіўся тады на кашулі матчын вышываны вузор "вецер-стрыбог". І насамрэч падуў ветрык і панёс хлопца праз раку ды вёску, дзе дзве ракі, Буг і Мухавец, зліваюцца ў адну, дзе стаіць высокая драўляная вежа. Апусціў ветрык хлопеца на зямлю. Пачаў той стукаць у вароты. Ніхто не адчыніў, толькі падняўся неадкуль віхор. Схапіў хлопца і панёс да кургана на правы бераг ракі Мухавец.

Так Барыслаў апыніўся ля дзівоснога месца. Глядзіць хлопец, а вакол кургана мноства капцоў і дзівосных камянёў. Барыслаў дастаў бацькавую паходную сурму ды як заграе. Віхор знік. Хлопец раптам зваліўся на зямлю.

Сонейка заходзіла. Яго прамені прасочваліся праз ствалы дрэў, быццам увесь лес ахапіў жудасны пажар. Хлопец падняўся з зямлі і убачыў курган вакол якога былі разкіданы нейкія абцэсаныя камяні з рэзьбянымі фігуркамі обрызганыя крывёю. Барыслаў азірнуўся і убачыў як з кургана выйшла маладая жанчына ў бялёсым-бялёсым адзенне, з халоднымі вачыма і бледнымі вуснамі. Гэта была сама Мажана, гаспадыня зімы і холаду. Ад яе погляду ўсё стала халодным, і неўзабаве пайшоў снег. Ён быў незвычайным. З яго пачалі з'яўляцца жудасныя жывёлы і беглі праз раку. Барыслаў стаў замярзаць. Па ўсім целе прайшоў люты холад. Ён пачаў засыпаць. У сне бачыў пшанічнае поле з кветкамі валошкі, маці і бацьку, які граў на дудзе. Ад музыкі якую ён пачў у сне ён схапіўся, зняў матулін пояс, разгарнуў яго і з'явіўся вузор жыцця ў выглядзе ромба з праменнямі накіраванымі ўнутр. Стаў хлопец у ромб. Ходзіць Мажана вакол хлопца, крычыць, нагамі тапоча, нават над зямлёй падымаецца, а зрабіць нічога не можа.

Неадкуль з'явіліся два мядведзя, погляд у іх быў цёплы, нават жаласлівы. Успомніў тады Барыслаў расповед-наказ бацькаў:

— Была ў яго сястра. Пасватаўся да яе добры хлопец-каваль. Сталі яны вяселле ўпарадкоўваць. Вось едуць яны з царквы ў брычцы, а на дарозе сядзіць нехта. Праехалі яны міма, а гэта сама Мажана была. Зірнула злосна яна ў бок маладых брычка і перакулілася, а сястры бацькавай Агаты з мужам Агеем і не стала. Толькі людзі каля вёскі сталі

бачыць двух маладых мядзведзяў, якія мясцовым сялянам дапаможнікамі сталі. Нехта ў лесе згубіцца, яны абярагаюць і абавязкова да хаты давядуць. Ці хата некая загарыцца, дык яны людзей з жудасных пажараў уратоўваюць. Людзі іх і не палохаліс. Але мядведзі ўсё роўна да людзей блізка не падыходзілі.

Барыслаў дастаў дуду, якую бацька зрабіў, каб зваць гэтую пару мядзведзікаў. Паднёс да вуснаў і такая прыгожая музыка на ўсё наваколле разлілася, мядведзі перакуліліся праз галаву і сталі жанчынай і мужчынай. Пакланіліся яны Мажане да самой зямлі і папрасілі прабачэння. Яна і знікла ў рацэ. Больш яе ніхто і не бачыў. А на кургане ізвілістыя сцежкі з'явіліся з дзівоснымі кветкамі. Людзі тое места "казённым садам" празвалі.

Барыслаў перастаў трасціся ад холаду, абняў цётку, мужа яе і пачлі яны думаць як Ганну вызваляць будуць.

Тым часам Ганна жыла ў пана. Вучыла яго дачку Ярынку жаночым справам: пячы хлеб, вышываць, збіраць лякарскіе расліны, адрозніваць якая травінка ад якой хваробы. Яшче і на лютне граць навучыла.

Маці Ярынкі даўно памерла, а ад чаго дзяўчынка не ведала. Колькі яна ў бацькі не пытала, той нічога ёй не паведаміў. Толькі яшчэ больш сумотным станавіўся. Дзяўчына і перастала яго пытаць пра маці. Так яна і жыла нічога не ведаючы.

Ярынка вырасла, стала прыгожай дзяўчынай. Ранкам яна бегла ў поле, падымала вочы да сонейка і жадала ўсяму наваколлю добрай раніцы. Вельмі прыгожа яна грала самаму ветрыку на лютне. Вецер гуляў з яе валасамі. Нават аблокі спускаліся ніжей да зямлі, каб паслухаць дзяўчыну. Здавалася нібыта сама Купалінка ходзіць па тутэйшых мясцінах. Людзі, якія яе бачылі так і казалі, што Купалінку сустрэлі і верылі ў тое, што жыццё ў іх лепшае настане. Так усё і адбывалася, бо цуды здараюцца з тымі хто ў іх верыць. Сваім добрым і ласкавым словам Ярынка-Купалінка сцешыць, а каму і грошыкам, ежай ці лекай дапаможа. Ніхто з сялян і не здагадваўся, што яна панская дачка. Так дзяўчынка з лесу прыходзіць, у лес і вяртаецца. Мноства добрых спраў зрабіна Ярына.

Яе бацька, туташні пан, сярод людзей праславіўся нядобрым чалавекам. З таго часу як у яго памерла жонка, маці Ярыны, ён мог раззлавацца на любога з сваіх сялян, калі настрой у яго быў дрэнны, таму і баяліся яго людзі. Ды яшчэ і верылі ў тое, што пан іхні — ваўкалак. А было гэта праўдай, ці не толькі яму аднаму і вядома было. А вось сумаваў пан Мікалай часценька. Заўважыла яго сумоту Ганна. Падыйшла да яго і кажа:

— Пан Мікалай, раскажы мне што небудзь дабрае.

Азірнуўся пан на Ганну, а вочы яго і насамрэч добрыя сталі. Ніколі яна дабрыні ў яго вачах не бачыла, а тут пан нейкі другі стаў. І кажа ёй:

— Дзякуй табе, Ганна, за дачку маю Ярынку. Цяжка мне з ёю з самога дзяцінства, але ж ты змагла ёй змест маці ўсё расталкаваць.

Ганна асмялела і спытала:

— Што здарылася з Ярынкавай маці? – дзе яна?

Пан звар'яцеў, вочы зноў злыя сталі. А Ганна на гэты раз, не спужалася і кажа:

— Ты, Мікалай, не злуйся, а дачка павінна ўсё ведаць. Тады і цябе лягчэй будзе. Яна ў цябе крэмлівая, усё зразумее. Апусціў вочы Мікалай, пазваў Ярыну і пачаў свой распавед:

— Было гэта, калі напалі на наш горад ворагі. Было іх вялікае мноства. Бойня адбылася жудасная, не змог вораг ўзяць вежу берасцейскую, але ж людзей забіў шмат ды хваробу цяжкую яшче прынеслі чужаземныя ваякі. Нават мала хто ў жывых і застаўся. Тады мая жонка з іншымі нашымі жанчынамі вырашылі вышыць вялікі рушнік-абыдзеннік, каб спасці горад ад эпідэмій і хвароб. Ткалі яны яго на працягу ўсей ночы і дня. А калі сацкалі, выйшлі з пакою трымаючы абыдзеннік усе разам і пачалі абыход вакол гораду нашага, утвараючы магічнае кола, якое павінно было адвесці бяду. Я запаматаваў, што разам з імі яшчэ лірнік быў з колавай ліраў. Бяда адыйшла. Рушнік павесілі на наш крыж на ростанях. Ён і цяпер там вісіць. Толькі вузоры, што вышыла мая жонка, ніхто растлумачыць не можа. Пасля гэтага, у хуткім часе, яна захварэла і памерла, так нічога і не паведаміла.

— Пойдзем, пан, да крыжу. — кажа Ганна. Твая Ярына ўжо сама можа многія вузоры растлумачыць.

Падыйшлі яны да прызначанага месца, глядзяць, а рушніка на крыжу няма. Абняў галаву пан Мікалай і з адчаем як крыкне:

— Зноў быць бядзе на нашай зямлі.

Ганна-майстрыха яго супакойвае:

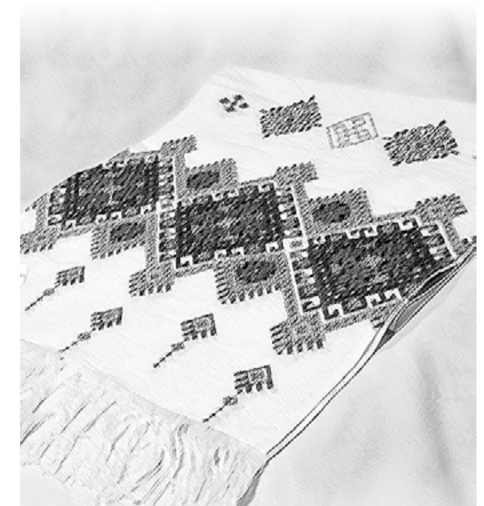
— Не сумуйся, я дапамагу, толькі вер мне. Знойдзем мы рушнік.

Пан паглядзеў на Ганну, і нешта цёплае да яе ў першыню з'явілася ў яго душы. Ён падыйшоў да Ганны, прытуліў яе да сябе. Зазірнула ў вочы Мікалаю Ганна са спагадаю ды дабрынёй. Яго халоднае сэрца і адтаяла.

Нешта вельмі цёплае прыйшло да іх абоіх.

Але ж каб не здарылася зноў бяды, трэба было ісці шукаць рушнік-абыдзеннік.

Ганна-майстрыха ведала, што дапаможа ёй варажбітны рушнік, дасць ёй адказ на ўсе пытанні. Прынялась яна ткаць ды вышываць разам з дапаможніцай сваёй Ярынкай. У двох яны хуценька здолялі гэтую справу. Ганна пад свет znічкі, якая глядзела на іх з Ярынкай у вакно, вышыла апошні сцяжок на варажбітным рушніку. Раптам у дзверы нехта ціхенька пастукаў. На парозе стаяў пан Мікалай. Мікола завесіў вокны, Ярынка разгарнула рушнік

на падлозе; Ганна ўзяла ў правую руку семь зярнятак бабу і кінула іх на рушнік. Першае зернятка звалілася на вузор зоркі чалавека на небе, другое — на вузор сонца, трэцяе — на дрэва жыцця. Яшчэ адно зярнятка звалілася на вузор дзядоў. Астатнее зярне пакацілася абыкуды. Ганна паглядзела на такі расклад і зразумела: рушнік жонкі Міхася знаходзіцца ў яе хаце. А вось як ён туды трапіў яна не зразумела. Але заўважыла нейкую пачвару, якая будзе лётаць над Берасцем. Яшчэ яна ўбачыла хлопчыкаратавальніка. Ў гэты час нешта кальнула ў яе сэрцы. Ганна прысела на лаўку і ўспомніла сваю вёску, ранейшае жыццё, сына Барыслава. Зірнула яна злосна на Мікалая. Ён адразу ўсё зразумеў і кажа:

— Цябе Ганна да мяне пачвара нейкая прынесла. Была ты ледзь жывая. Вось і засталася ты ў нас. Я ніколі ў цябе нічога не пытаў. Мусіць баяўся, каб ты ад нас нікуды не пайшла. Так я пра цябе нічога і не ведаю. Ганна расказала пра сына Барыслава, пра мужа памерлага, як жыла ў сваёй вёсцы, пра тое як схапілі яе ваякі, а больш казаць было і няма чаго.

Зразумеў тады Мікалай, што Ганну суседні пан схапіў, і кажа:

— Ганна калі цябе гэтая пачвара несла ў небе, да яе на сустрач ляцеў цмок, быў ён добры і прыгожы, нібыта з золату. Вось схапіліся яны ў небе за цябе, апасля гэты цмок паклаў цябе каля варот нашага гораду. Так ты ў нас і з'явілася. Праз некаторы час я зразумеў, што ты нічога не памятаеш.

Ганна падыйшла да акна, потым павярнулася да Мікалая і спытала:

— Як звалі таго лірніка?

— Мне здаецца Барыс.-адказаў пан.

Гыта быў мой муж. Які так сама памер, як і твая жонка, пасля абыходу горада.

Тым часам Барыслаў з цёткай Агаф'яй з дзяцькам Агеем пайшлі ў сваю вёску шукаць адказ на пытанне як знайстці Ганну. Як толькі яны ўвайшлі ў хату засляпіў ім вочы дзівосны свет з карціны Ганны, на якой была вышыта жанчына. Яна трымала ў руках рушнік, ад якога ішоў дзівосны свет. Цётка Агаф'я ўзяла і дакранулася да гэтай карціны. Рушнік ёй ў рукі і зваліўся.

Толькі замужняя жанчына магла ўзяць ў рукі гэтую рэч.

Разгарнуўся рушнік і пачаў рабіцца ўсё даўжэй і даўжэй, з'явілася дарога. Пайшлі тады Барыслаў з цёткай ды дзядзькам па гэтай дарозе. Прывяла яна іх да дзівоснага саду з крыніцай. Вакол якой сядзяць прыгажуні і граюць на лютне. Калі граюць — вада цячэ, перастануць граць — вада перастае цеч. Толькі Барыслаў нахланецца да вады яны не граюць. Як ён іх не прасіў так не не рабіць, яны нічога не слухаюць, толькі ўсмяхаюцца. Дастаў тады хлопец бацькавую ліру і палілася музыка. Дзеўкі сабе граць сталі. Пакуль яны разам з Барыславам гралі. Агафья з Агеем набралі вады. Усе разам пайшлі яны па сцежцы з рушніка. Прывёў ён іх да гораду. Сталі яны стукаць ў вараты. Раптам ў небе над Берасцем з'явіўся цмок і вогнішчам на горад дыша. Пачаў ён ўсё ніжэй і ніжэй да горада апускацца. Вось-вось спаліць Берасце. Убачыў гэта Барыслаў, ўзяў гуслі і палілася на ўсё паселішча незвычайная музыка. Пачуў музыку цмок, супакоіўся, прызямліўся і нібыта кацяня папоўз да Барыслава, і кажа:

— Хлопец, адкуль ў цябе гэтыя гуслі?

— Бацька мне даў перад тым як памёр — адказаў Барыслаў.

Цмок аж вясялейшы стаў і пытае ў хлопца:

— А хто быў твой бацька?

— Мой бацька Барыс. Жыў не далёка ад сюль у вёсцы Соя. Рабіў гліняныя збаночкі і розныя музычныя інструменты. Ды і сам быў добры музыка.

Цмок і кажа Барыславу:

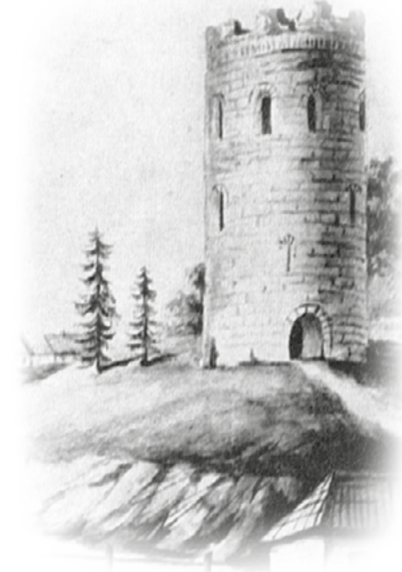
— Я калісці ведаў твайго бацьку. Ён мяне з маленькага яйка выгадаваў, якое знайшоў у балоце каля вёскі, калі чорны певень яго згубіў. Але ж я яшчэ не вырас, як ён памёр. Вось і скітаюся я да сіх дзён. Калі жадаеш я табе служыць буду верай і праўдай. Добры ты хлопец.

Згадзіўся хлопец. Сталі яны сябраваць.

Вадою, што прынеслі з "гарадскога саду" пакрапілі абпалены горад. З таго часу ніякая хвароба не кранае гэтыя мясціны. У той жа момант усё пачало расці і квітнець. А на рушніку-абыдзеніку маці Ярыны вышыла вузор лепшага шчаслівага жыцця, ды вузор вяселля.

Так Ганна зышлася з панам Мікалаем. Ён зноў стаў добры, як і раней. Ярынка спадабалася Барыславу. Яны ажна два вяселля справілі. Цмок на іх вяселлі ўсех гасцей, хто жадаў, да саміх нябёсаў падымаў. А быў той цмок ў выглядзе вужа з маленькімі крыламі ў залатой скуры. Ад яго залачонай скуры святло ва ўсім горадзе нават ў начы было. З далёкіх краёў ішлі людзі гладзець на гэтае дзіва.

Тым часам горад жыў сваім жыццём. Лепшае рамесленнікі і майстры былі тут. Тавары іх раскупаліся вельмі хутка. Шмат народу праходзіла. Хто на захад, хто на ўсход. А хто ў іншыя часткі свету. Першае права з усіх гарадоў на самакіраванне далі гэтаму гораду. Казна гарацкая толькі багацела. На тыя грошы Мікалай камянёвую вежу пабудаваў, аптэку, друкарню і яшчэ многа чаго. І па гэты час, у гэтым паселішчы людзі жывуць, хлеб жуюць, казкі баюцью. Вам усяго лепшага жадаюць.

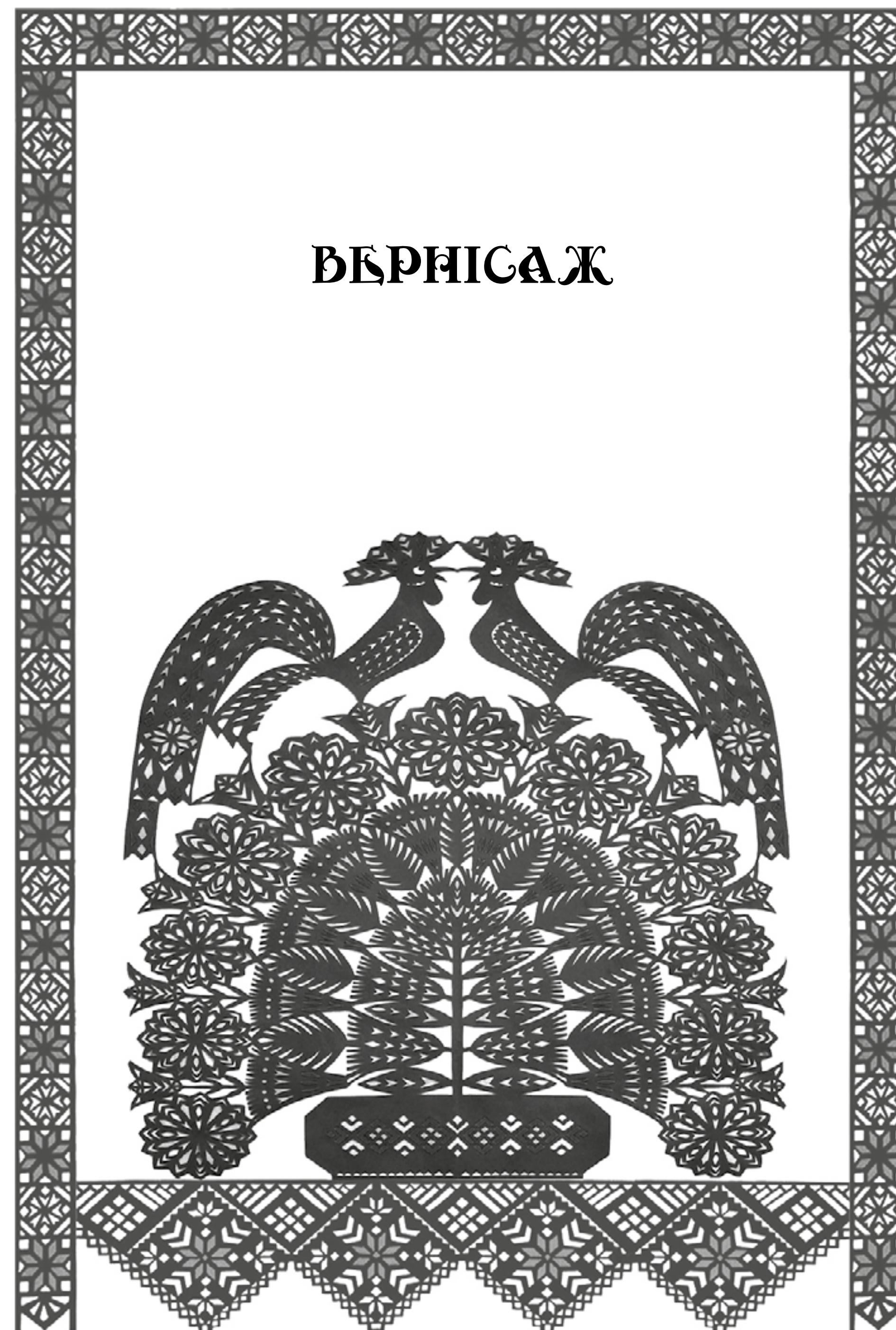

Сергей ПОВАЛЯЕВ

Завтра была война

Хромачи начищены до блеска
Ремень с портупеей скрипит тесно.
Лейтенант молодой с вихрастым чубиком
Форсит в петлицах вишнями кубиков.
В округ Западный Особый, в Белоруссию.
А адрес там какой? — Секрет, Марусенька...
А Маруся официантка строглазая.
Лейтенант приглянулся сразу же.
Адресок чиркнула свой на салфеточке –
Вдруг там вспомнишь и отпишешь весточку...
Уже поздно. Ресторан закрывается.
А в купе по радио прощаются —
Пассажирам всем желают доброй ночи.
Завтра — воскресенье, между прочим.
За окном леса ветвятся полого.
А уже Она, война на пороге.
 В купе душно — жаркое лето
Ночью 22 июня сорок первого...
А пока лейтенант счастливый
Спит под стук колес речитативный.
Рядом гимнастерка и ремень с портупеей,
А за окошком рассвет багровеет...

Память сердца говорит... Художники Брестчины — 75-летию Великой Победы

В наше мирное время, когда опять весна на белом свете, спустя 75 лет после Победы в Великой Отечественной войне, невидимый враг-коронавирус заставил людей сидеть в глухой обороне по своим квартирам, не собираться на значимые праздники и культурные события.

Вот и в Бресте выставка «Мы помним», посвященная юбилею Великой Победы, открылась в главном выставочном зале ООКЦ на ул. Советской без вернисажа, без помпы и присутствия художников и зрителей.

Но она открылась — как дань памяти участникам Великой Отечественной, и это достойная, полномасштабная экспозиция художников Брестчины. Из музеев города привезли замечательные работы старейших мастеров кисти, которые пережили в свое время войну и по горячим следам отразили ее отблески, а потом все дарованные им годы осмысливали цену победы, подвиг героев и страдания невинных жертв лихолетья. Полотна Николая Чурабо, Ивана Фетисова, Петра Данелии, Эдуарда Куфко, Александра Кожина, Ивана Рудчика, Николая Овчинникова, Леонида Соловьева, Леонтия Довбуша, Александра Алонцева и других мастеров, ставших классиками, привлекают глубокой содержательностью и авторским своеобразием, они прошли проверку временем.

Художественную летопись Победы и вклада в нее Брестской крепости продолжили наши современники, я бы их назвала детьми и внуками войны: Тамара Денисова, Николай Кузьмич, Дот Абдусаматов, Леонид Волосюк, Анастасия Фетисова, Владислав Куфко, Наталья Черноголова, Александр Григорьев, Игорь Романчук, Нила Горчанюк, Александр Желудко — я не в состоянии назвать всех участников этой выставки. Но каждый посетитель сможет неспешно просмотреть все 57 работ живописи и графики и выбрать близкое своему сердцу. А поскольку желающих посещать массовые события теперь особенно немного, то в выставочном зале естественным образом соблюдается санитарный режим. Для тех, кто узнает про новости городской жизни в интернете, предлагаем ряд снимков, сделанных на выставке «Мы помним» для сайта «Брестского курьера».

Любовь АЛЕКСАНДРОВА

Калаўрот культурнага жыцця

ЖИЗНЬ БЕЗ ОПАСНОСТИ

101

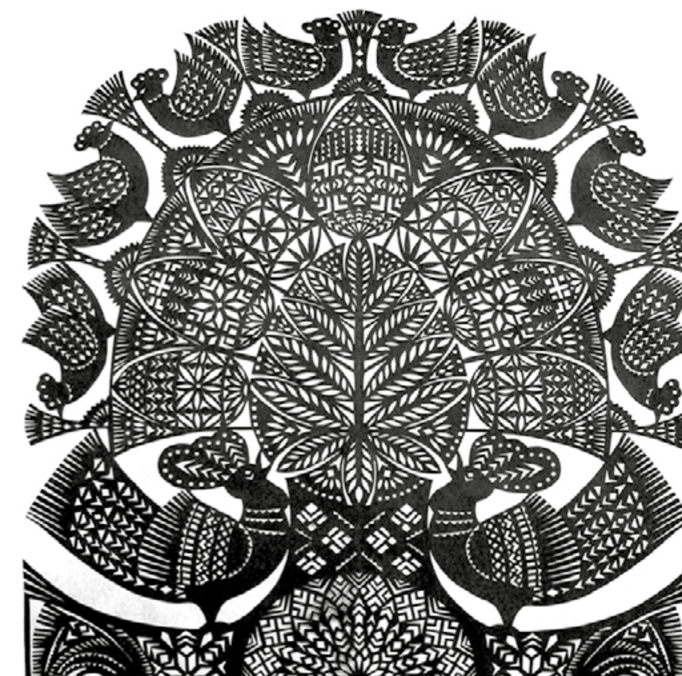
В рамках Единого республиканского дня безопасности 27 февраля 2020 г. ГУК «Брестская районная централизованная клубная система» организовали и приняли активное участие в районном этапе областного конкурса МЧС по безопасности жизнедеятельности. Для конкурса была предложенамузыкальная театрализованная постановка «Жизнь без опасности», в которой были задействованыработники клубных учреждений, работники РМЦ, сотрудники РОЧС.После постановки на площади перед РДК,были организованы интерактивные площадкиМЧС, РОВД, БДПО, медицинские службыи др. Были представлены показательныевыступления спасателей, викторины,конкурсы, фотозоны, призы. На Единый республиканский день безопасности были приглашены все работники клубных учреждений, учреждений ДШИ, библиотек района, Черинская СШ, Тельмовская СШ, данное мероприятие посетило свыше 300человек

Алена ПОДДУБНАЯ

БЕЛАРУСЬ ПАМЯТАЕ

Они в бессмертие ушли

Землю с 62-х мест захоронений передали из Брестского района для закладки храма-памятника в Минске.

Вчера, 17 апреля, завершился первый этап международного патриотического проекта «Во славу общей Победы», который проходил по территориям 10-и сельских советов Брестского района. Земля, собранная в местах захоронений, была помещена в одну капсулу и передана в мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой».

Представители Брестского района собрались у памятника расстрелянным воспитанникам Домачевского детского дома. Место было выбрано не случайно. Для жителей района это место, как Хатынь для Беларуси — символ скорби и памяти о человеческих жертвах. 23 сентября 1942 года здесь фашисты безжалостно расстреляли 53 воспитанника Домачевского детского дома и воспитательницу Грохольскую Полину Александровну.

В Брестском районе земля была собрана с захоронений в десятке сельских советов. Среди них:

- Радваничский сельский Совет, на территории которого 12 воинских захоронений с общим числом солдат 148 (из них 46 имён неизвестны).
- Мухавецкий сельский Совет, в 8 захоронениях которого 470 погибших.
- Знаменский сельский Совет, на счету которого 14 захоронений (452 фамилии и 67 неизвестных).
- Мотыкальский сельский Совет, 8 захоронений (557 участников войны, из них 502 неизвестных).
- Чернинский сельский Совет, в братской могиле которого находится 357 советских солдат, героически защищавших свою Родину.
- Тельмовский сельский Совет: в братской могиле д. Щебрин прах жителей деревни, расстрелянных фашистами за связь с партизанами.
- Чернавчицкий сельский Совет: на мраморных плитах 4-х захоронений увековечены 590 защитников Отечества. 565 известных и 25 неизвестных.
- Лыщицкий сельский Совет: 4 могилы хранят память о 881 жертве войны, из них 740 неизвестны.
- Томашовский сельский Совет: 4 захоронения (3593 погибших. Из этого числа 2091 мирный житель и 1346 неизвестных героев).
- Домачевский сельский Совет: 6 захоронений (4016 тысяч погибших, из них расстреляны 3800 узников еврейского гетто).

Право провести торжественную церемонию предоставили председателю Брестской районной организации Совета ветеранов Петру Антоновичу Брюзгину и первому секретарю Брестской районной организации ОО «БРСМ» Дмитрию Геннадьевичу Новичуку. Напомним, земля была собрана с 62-х воинских захоронений и мест памяти жертв войны.

Затем литию в память о воинах, погибших в годы Великой Отечественной войны, совершил настоятель храма святого Апостола Луки иерей Дмитрий Коротай.

Торжественную передачу капсулы с землёй директору МК «Брестская крепость-герой» Григорию Григорьевичу Бысюку произвел заместитель председателя Брестского райисполкома Павел Иванович Волынец.

«Победа в Великой Отечественной войне слагалась из усилий всех сыновей и дочерей на тот момент единой большой Родины и несломленного духа каждого в отдельности человека. Мы, жители больших городов и малых деревень, считаем своим долгом знать историю своей малой родины и передавать знания будущим поколениям. Мы обязаны помнить тех, кто отдал жизнь за свою Родину, и благодарить тех, кто сегодня ещё с нами», — резюмировал ведущий мероприятия.

Кульминацией вышеназванной акции станет закладка более 100 капсул с землёй со всей Республики Беларусь и с памятных мест зарубежья в крипту Храма-памятника в честь Всех Святых в г. Минске.

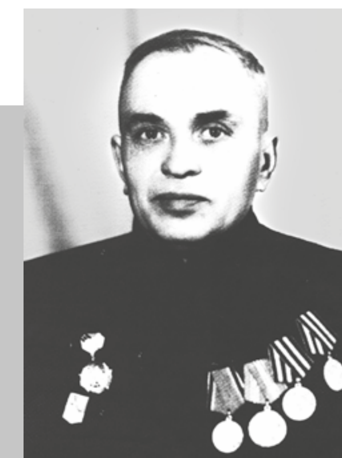
Справочно:

«Общая память — общий мир», под таким девизом проходит с мая прошлого года по май 2020-го на территории нашей родной Беларуси международная акция памяти «Во славу общей Победы!» в рамках празднования 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Главная ее цель — гражданско-патриотическое и нравственное воспитание подрастающего поколения. Акция служит сохранению исторической памяти о военных действиях Великой Отечественной войны и увековечению имён её участников.

Осталась людская память

Работая в свое время в РДК, мне удалось за много лет собрать большой материал о фронтовиках Чернинского сельского Совета и оформить стенд «Солдаты Великой Победы».

Стенд сейчас находится на втором этаже здания в маленьком уютном фойе и расположен так, что боевые фронтовики с фотографий пристально смотрят на нас, словно желая спросить: «Все ли у нас так, как они мечтали?», «Правильно ли мы живем сегодня?».

Сергей Васильевич Гутик

Собирая материал и фотодокументы о ветеранах, мне посчастливилось бывать в их домах, встречаться с живыми легендами той суровой войны, слышать их голоса и рассказы о том, как они жили и воевали.

...В центре Черней, рядом с оживленной улицей Брестской, стоит небольшой деревянный домик. Весной он со всех сторон утопает в цветущем саду. Легкий майский аромат, настоянный на цвете яблонь, кружит голову. Прохожие часто приостанавливаются, чтобы насладиться, подышать чистым и целебным воздухом.

В этом доме жил участник Великой Отечественной войны Сергей Гутик. Здоровье у ветерана было на склоне лет слабое, подорванное фронтовыми буднями и нелегким крестьянским трудом. Поэтому он всегда находился на своей усадьбе.

Часами сидел Сергей Васильевич с палочкой в руках на старой потемневшей от времени скамейке. Сидел и смотрел вдаль. Просто так. А мимо по оживленной улице проносились легковушки, самосвалы, автобусы. Казалось, он этого не замечает, ему было, вроде, все безразлично.

Сергею Васильевичу шел 84-й год. Если представить его боль, страдания и тяжесть суровых лет войны и труда, понимаешь: не каждый выстоит. А он выдержал! Вот и сидел, смотрел на новую жизнь старческими глазами. О чем думал? Какие мысли кружили в его седой голове?

Когда наш разговор заходил о войне, Сергей Васильевич сразу распрямлялся, в потускневших глазах появлялись искорки.

— В сорок четвертом взял оружие и пошел воевать, — вспоминал фронтовик. — На передовую, в разведроту. Освобождая Польшу, продвигались быстро. Немец хоть и чувствовал свой конец, порой огрызался жестоко. Крупное сражение было на Сандомирском

плацдарме. Освобождали город Лодзь. По пятам врага добрались до Познани. И все с боями, теряя друзей и товарищей.

Здесь героически погиб командир роты и лучший друг Сергея — пулеметчик из Пинска (имя и фамилию, к сожалению, не запомнил). Пришлось заменить земляка.

Как-то, готовясь к очередной атаке, солдат Гутик решил согреть свои руки у небольшого костерка, который развели в окопе.

— Слышал, как тюкнула пуля в бруствер, — вспоминал ветеран. — Глянул, а у меня левая рука в крови, висят разорванные пальцы. — Повезло, что еще так обошлось — видать, немецкий снайпер промахнулся.

А дальше — полевой госпиталь. Жена военного хирурга, тоже медик, была решительно настроена против ампутации руки, сумела сохранить ее. Сергей Васильевич всю жизнь вспоминал докторшу добрым словом.

День Победы солдат встретил в госпитале. Поправившись, после войны Сергей Васильевич трудился в совхозе «Молодая гвардия», работал сторожем в теплицах, охранял совхозный сад, дежурил в котельной. К работе всегда относился добросовестно, жил честно, показывая пример другим.

Руководство совхоза постоянно помогало ветеранам войны материально. Да и семья у фронтовика была дружная и трудолюбивая. Вырастили и воспитали с супругой хороших детей. Приезжали часто в гости внуки проведать деда с бабушкой.

Сегодня война для нас — героические страницы истории. Но, как писал Александр Твардовский:

Прошла война, прошла страда,
Но боль взывает к людям:
Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем...

...В саду по-прежнему стоит домик, рядом — деревянная лавка и высокий клен, поют птицы, за забором пролетают по улице машины... Только нет больше фронтовика. Ушел. Навсегда. Но осталась о нем благодарная людская память.

Василий БОСАЦКИЙ,
аг. Черни

Всемерно содействовала фронту, обеспечивая победу над врагом

Особое место в истории прокуратуры занимают суровые годы Великой Отечественной войны.

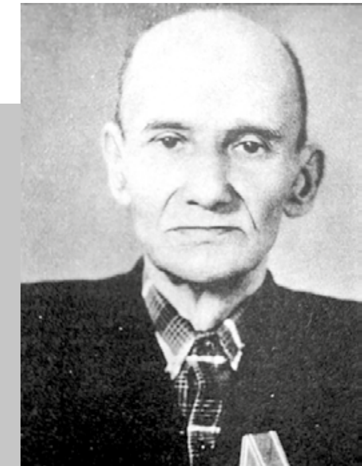
Вероломное нападение фашистской Германии потребовало от нашей страны мобилизации всех сил и средств для собственной защиты и разгрома агрессора. Над нашей Родиной нависла смертельная опасность: в это время деятельность прокуратуры подчинена общей задаче — победе советского народа над фашизмом. Ее повседневная работа была направлена прежде всего на обеспечение точного исполнения требований законодательства об укреплении тыла, на оказание помощи фронту, на всемерное содействие военному командованию. Особую актуальность приобрела борьба с нарушениями государственной, трудовой и воинской дисциплины, хищениями государственного и общественного имущества, самовольным оставлением работы на промышленных и транспортных предприятиях, нарушениями прав защитников Родины и их семей, детской беспризорностью и безнадзорностью.

Огромное значение прокуратура придавала надзору за выполнением государственных планов поставок боеприпасов и вооружения, а также решений о восстановлении на новом месте эвакуированных предприятий, требований о сохранности оборудования, обеспечении их сырьем, материалами и рабочей силой.

Одним словом, вся работа прокуратуры преследовала цель всемерного содействия фронту, обеспечения победы над врагом.

С первых дней Великой Отечественной войны многие прокурорские работники приняли активное участие в борьбе с оккупантами и отдали свои жизни за наше мирное настоящее. В здании Генеральной прокуратуры Республики Беларусь есть мемориальная доска, на которой золотыми буквами выбиты имена работников органов прокуратуры Республики Беларусь, павших в боях за Родину. В их числе — прокурор Брестского района Дмитрий Николаевич Головань.

В преддверии славной юбилейной даты хочется вспомнить и нашего земляка Семена Нестеровича Ничипорука (на снимке), который родился в 1897 г. в деревне Ялено Брестского района.

Семен Нестерович Ничипорук

В 1920 — 1922 годах, после окончания курсов телефонистов, он служил в батальоне связи на Северном Кавказе. Демобилизовавшись из армии, работал на Мозырском лесопильном заводе «Пролетарий». А в 1927 году был направлен в органы прокуратуры и работал вплоть до ухода в 1954 году на пенсию. В 1941 — 1943 годах Семен Нестерович исполнял обязанности прокурора Нагайбакского и помощника прокурора Чебаркульского районов Челябинской области. Затем — с 1943 по 1944 годы — был прокурором Речицкого района Гомельской, а с 1944 по 1945-й — Брестской области, позже — прокурором Каменецкого района. Награжден орденом Ленина, многими медалями.

Евгений БАБЕНКОВ,
прокурор Брестского района,
советник юстиции

Война не обошла Мощенку...

Недалеко от агрогородка Черни, скрывшись от шумной автострады полосой соснового леса, приютилась небольшая деревенька Мощенка.

Я приехал сюда еще несколько лет назад, чтобы встретиться с сельчанами, послушать их воспоминания о войне, фронтовиках деревни для создания стенда «Солдаты Великой Победы».

Девочка с красной косынкой в руках

...Калитка открылась легко, и я вошел во двор небольшого домика. Меня приветливо встретила хозяйка. Разговорились. Чаще ее воспоминания были основаны на рассказах людей старшего поколения.

— Нам казалось, что за лесом нас никто не видел, никто о нас не знал, — вспоминала пенсионерка Любовь Николаевна Токун. — Но мы ошибались. Когда грянула война, немцы на мотоциклах были в деревне уже утром. Вскоре они построили смотровую вышку. Фашисты боялись партизан, поэтому постоянно укрепляли свои позиции.

Однажды немецкий офицер приказал хозяину Токуну снести сарай: «Он нам мешает вести наблюдение. Даем три часа, не успеете — сожжем».

Не успел... Сожгли. Вся живность — коровы, свиньи — осталась на улице. Вот такие новые немецкие порядки были.

Любовь Николаевна рассказала еще одну трогательную и драматичную историю:

— Мой муж Петр Токун вспоминал, как, будучи еще мальчишкой, однажды пас на поле коров. Вдруг со стороны Черней из лесу выбежала испуганная девушка с красной косынкой в руках. Нет, она не бежала, она летела со слезами на глазах, полных боли, отчаяния.

«В какой стороне Чернавчицы?! — с мольбой, надеждой на помощь и спасение спросила она у Петра. — Скорее, скорее! За мной погоня!»

Он показал направление и посоветовал, как лучше пробираться. Девушка стремительно скрылась в лесу. Она так хотела жить!

Вскоре появились немецкие полицаи на лошадях. Петр не испугался, не дрогнул, промолчал и не выдал девушку.

Оказалось, что девочка эта была из еврейской семьи, которую арестовали немцы и отправили в Брест на допрос, а после — в лагерь. Они понимали, что идут на верную гибель. Тогда родители решили — дочке надо бежать, чтобы хоть она осталась живой. Девушка убежала от смерти.

Судьба ее неизвестна. Но яркий образ этой смуглой красавицы с красной косынкой в руках сохранился навсегда в памяти Петра Токуна.

Они приближали Победу

Небольшой ухоженный домик участницы Великой Отечественной войны, уважаемой односельчанами женщины Александры Фоминичны Стрельниковой сразу удалось отыскать. Женщина

охотно согласилась побеседовать со мной. Когда пришла беда на нашу землю, она не могла оставаться в стороне. «Девочки, надо и нам чем-то помогать нашей армии», — обращаясь к своим подругам, говорила юная Александра.

Вскоре девушки примерили солдатские шинели...

Мы долго говорили с ней о войне, о событиях того сурового времени. Александра Фоминична вспоминала первый ее день, подруг, командиров, с которыми пришлось ей работать.

«Война ударила внезапно, — рассказывала седая женщина, словно перелистывая страницы памяти. — Мы проснулись от гула самолетов и взрывов бомб, раздетые выскочили на улицу. Мгновение — и мощной ударной волной в доме выбило все стекла. Осколки снаряда прошили постель, где мы только что спали. Нам повезло...

Наша тихая Мощенка вмиг стала неузнаваемой...»

Наступила жизнь, полная тревог и смятений. Но вскоре жители деревни смогли преодолеть свой страх. Соорудив в лесу землянку и раздобыв радио, по вечерам слушали боевые сводки с восточного фронта. А когда Красная Армия нанесла врагу сокрушительный удар, люди поверили в себя и воспрянули духом.

После того, как наш район был освобожден от немецко-фашистских захватчиков, мужчины призывного возраста ушли на фронт. Но помощь требовалась и в тылу.

Велико было желание юной Александры и ее подруг внести свой вклад в дело общей победы. Вскоре девушки встали в строй, получили легкое стрелковое оружие и прошли курс молодого бойца.

В военный период события развивались стремительно и непредсказуемо. И когда понадобилось развернуть срочно и обустроить новую столовую, рядовая Саша Стрельникова с подругами Лидой Басовой и Любой Нижниковой были направлены сюда. Молодые ловкие руки девчат на кухне очень пригодились.

«Наша военная столовая располагалась в уцелевших бараках на окраине Бреста, где сегодня стадион «Локомотив», — вспоминала Александра Фоминична. — Мы помогали друг дружке, старались на ходу осваивать секреты кулинарного мастерства. Конечно, было нелегко. Часто приходилось работать сутками. Времени на отдых не было. Из Мощенки до работы (а это восемь километров) добирались пешком в любую погоду. Бывало, что одной картошки чистили до 400 — 500 килограммов за смену. Замерзали руки на холоде, а присесть погреться было некогда. Надо было и дров наносить, и печи растопить, и воду нагреть — вымыть котлы, миски, котелки, термосы. Хозяйство на

кухне было большое — сотни и сотни единиц. Часто доставка нужных продуктов запаздывала в пути и приходилось выкручиваться, заменяя одни харчи на другие.

Мы кормили и солдат, следовавших на западный фронт бить врага, и возвращавшихся оттуда раненых. Доставлять людям удовольствие и хорошее настроение вкусной едой было для нас важной боевой задачей».

Пенсионерка с особой теплотой вспоминала имена работников кухни и пекарни — начальника продпункта майора Петровича, заведующего столовой украинца Бондаренко, повара из Ташкента Иванова и многих других — многонациональный и дружный коллектив.

Родина по достоинству оценила труд этих людей в тылу, приравняв их к ветеранам войны. Они тоже приближали день Победы как могли.

После войны Александра Стрельникова работала телефонисткой в Бресте, потом — в совхозе «Молодая гвардия» бригадиром полеводческой бригады. Она вырастила и воспитала двоих дочерей — Галину и Таню. Дети и внуки гордятся своей мамой и бабушкой.

Василий БОСАЦКИЙ,
аг. Черни

Пётр Цыбульский — солдат и труженик

В 14 лет Пётр Цыбульский вышел из родной деревни Заболотье со своими сельчанами и с боями дошел до Берлина. Он смело сражался наравне со взрослыми, защищая свою землю.

...Шел 1943 год. Война громыхала под Курском. На оккупированной территории все больше досаждали врагу народные мстители. Так было и в окрестностях деревни Заболотье, откуда он был родом. Его родители активно помогали партизанам. В сарае под сеном была спрятана рация, с помощью которой передавались данные о расположении врага.

— Это был большой риск, смертельная опасность, — вспоминал Петр Саввович. — Никто не выдал самоотверженных людей, не проговорился.

Вскоре партизаны приняли решение: общественное стадо коров в 150 голов, чтобы не досталось врагу перегнать за линию фронта. В отряд добровольцев попросился Пётр Цыбульский. Несколько недель тайными тропами пробирались партизаны по ночам к установленному месту. Было трудно сыро и холодно, но задание выполнили.

В Сварыньских лесах эти партизаны соединились с частями Красной Армии.

В 14 лет Пётр Цыбульский стал настоящим защитником родины. Паренек попал в разведроту. Смекалистый, находчивый и смелый он охотно учился военному делу.

Полк, где служил рядовой Пётр Цыбульский с боями прошел недалеко от Бреста и вышел на Западную границу. Впереди была Варшава.

— Артподготовка велась 2 часа, — рассказывал Пётр Саввович — орудия в 4 ряда нанесли сильнейший удар по врагу. Враг отступил не выдержав натиска Советских войск — но и у нас были немалые потери.

В скором времени Пётра Цыбульского перевели в 947-гаубичный артиллерийский полк. В мыслях и на устах солдат была одна цель, — вспоминал ветеран — Берлин.

За проявленное в боях мужество рядовой Пётр Цыбульский рядом с медалью «За отвагу» приколол на китель награды «За взятие Берлина» «За победу над Германией» и др.

В поверженном Берлине он встретил своего дядю Ивана Цыбульского. Оказалось, их части все время шли рядом с боями.

Люди высокой пробы

...Страна восстанавливала разрушенные города и деревни. Требовалось много стройматериалов, техники, специалистов. Пошёл Пётр вместе с сельчанами строить кирпичный завод в пригороде Бреста. Ломы, тачки, вагонетки — такими были основные орудия труда. Построили завод — пошёл кирпич. Ожили новостройки города.

— Петя, езжай учиться на механизатора, — сказал однажды парню председатель колхоза Василий Григорьевич Калишук. — Вот направление...

Вернувшись с курсов парень сразу получил подарок — новенький ХТЗ на железных колёсах без кабины. Радость была безмерная. На этом тракторе Пётр Цыбульский пахал, работал в полторы, две смены. Первыми механизаторами были его друзья: Дмитрий Козлянко, Василий Сисько, Николай Тыцик, Павел Гуров.

За многолетний самоотверженный труд Пётр Саввович имел высокие награды Родины. Его имя было на Доске почёта совхоза «Мухавец».

Жить и трудиться Пётр Цыбульский мог только хорошо, с полной отдачей сил.

На долю фронтовика выпала не лёгкая жизнь. Он прожил её честно и достойно. С любимой женой Ниной Сергеевной вырастили четверых деток: Валентину, Александра, Лидию, Тамару.

Дети выросли, чтут память родителей.

Василий БОСАЦКИЙ,
аг. Черни

Военная слава деревни Рогозно

«Деревня наша — особенная, с интересной историей, — говорит староста д. Рогозно Любовь Николаевна Кунда. — Отдельные ее страницы полны трагизма, достаточно вспомнить годы оккупации в Великую Отечественную войну».

Среди печальных событий и день 16 августа 1942 года, который стал черным днем в жизни рогознянцев. В этот день, как мы уже упоминали, в центре деревни за связь с партизанами были зверски убиты 42 мирных жителя, в том числе женщины и дети.

9 мая 1983 года на месте расстрела людей состоялось торжественное открытие обелиска памяти. На митинге присутствовали и очевидцы этого чудовищного зверства. На глазах Павла Антоновича Красько фашисты расстреляли брата и его детей. «Мне шел тогда восьмой год, — делился своими воспоминаниями военнослужащий Дмитрий Демьянович Кунда, — и я видел, как на этом месте в центре деревни расстреливали людей. Фашисты убивали тех, кто был связан с партизанами, кто помогал им». «Когда немцы стали арестовывать людей, я убежал за село, — говорил Степан Осовец. — В тот день погибли мои брат Владимир и сестра Ксения, а также товарищи — Василий Захожий, Василий Киричун и другие члены довоенной Дубицкой комсомольской организации».

В числе жителей, помогавших партизанам, была и трудолюбивая крестьянская семья Якова Филипповича Петровича, которая жила на краю деревни. Это он один из первых приютил, кормил, одевал и лечил группу бежавших из плена военнослужащих, в числе которых был и будущий командир партизанского отряда имени Ворошилова Василий Николаевич Гребенев. Помог добыть оружие, связаться с местными активистами. Вся его большая семья принимала активное участие в этом деле. И когда партизаны перешли в лес, его дети носили в лагерь пищу, медикаменты. Летом 1942 года по доносу предателей вся семья Якова Филипповича, в том числе пятеро его детей, и он сам были зверски убиты фашистами во дворе своего дома.

На сельском кладбище, недалеко от братской могилы советских воинов, партизан и жертв фашизма, где похоронены расстрелянные фашистами жители Рогозно, погибшие в боях партизаны и летчики, есть могила и местного жителя Степана Павловича Кравчука. Его жена Евдокия Семеновна оставила такие воспоминания: «Война ползла на нас с запада. С тревогой смотрели мы на густой дремучий лес, окружавший деревню. Мы думали, она не найдет нас, но эта беда пришла и в нашу деревню».

Они поженились со Степаном незадолго до войны. Коротким было их семейное счастье. Пережив три тяжких года оккупации, Степан Павлович, как и другие мужчины из Рогозно, был призван в армию после освобождения Прибужья в августе 1944 года. И осталась Евдокия Семеновна с годовалой дочерью на руках одна. Было очень трудно, ведь деревню почти всю уничтожили немцы. А в ноябре муж получил ранение в боях под Варшавой. Его привезли в госпиталь в Брест. Хоть было нелегко добираться до города, она часто навещала мужа. Муж рассказывал ей, как там на фронте. 7 декабря он умер от тяжелых ранений. Евдокия забрала тело мужа из госпиталя и похоронила его на кладбище в Рогозно — так он был всегда рядом.

Многие жители деревни, павшие в боях с врагом, покоятся далеко от родных мест. В числе тех, кто не вернулся с войны, Дмитрий Петрович Осовец, Василий Данилович Бурак, Николай ДорофеевичВальчук, Сидор Васильевич Игнатюк, Иван Петрович Костючик, Александр Михайлович Киричун, Степан Павлович Кравчук, Афанасий Емельянович Кунда, Касьян Миронович Полещук, Николай НикитьевичПарафянюк, Семен Иванович Хивук.

Возвратились домой победителями Степан МакаровичОсовец, Онуфрий Степанович Вальчук, Степан ДорофеевичВальчук, Остап Герасимович Захожий, Степан Андреевич Кунда, Дмитрий Григорьевич Полещук, Алексей Павлович Савчук, Сергей Матвеевич Ткачук, Фадей Васильевич Ткачук, Левон Моисеевич Хивук.

В числе тех, кто пол-Европы прошагал, приближая славный День Победы, был и фронтовик Степан Никифорович Ткачук — скромный, но очень отважный человек. Свой боевой путь начинал на 3-м Белорусском фронте под командованием генерала армии Черняховского, в разведподразделении. Много опасных заданий он выполнил. «Мы уходили на рассвете и возвращались далеко за полночь, — вспоминал ветеран. — Иногда по нескольку дней пропадали на территории врага. Поэтому часто не было возможности даже поесть». Участвовал в сражении за Кенигсберг, прошел с боями Польшу, Восточную Пруссию, Германию. Война для молодого сержанта закончилась в 20 километрах от Берлина — получив тяжелое ранение в ногу, он был направлен на лечение в Литву, а оттуда — в Казань, там и встретил День Победы. Вернулся солдат с войны инвалидом. На груди его сияли боевые награды: ордена Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медали «За отвагу», «За победу над Германией». К сожалению, несколько лет назад Степан Никифорович ушел из жизни. Память о нем хранят его односельчане, дети, внуки и правнуки.

За связь с партизанами 8 сентября 1942 года были заживо сожжены мирные жители деревни — Степан Сидорович Ухалюк, Евдокия Ивановна Ухалюк, Василий Степанович Ухалюк, Евдокия Захожая и семья лесничего Александра Петровича Коновалова. На месте той трагедии, недалеко от бывшей фермы, установлен памятный знак.

Трагически сложилась судьба и руководителя общины евангельских христиан-баптистов Ивана Даниловича Киричуна — его убил партизан. Это случилось 6 апреля 1944 года. На месте, где он принял мученическую смерть, стоит памятный знак.

Да, война оставила глубокие раны в судьбе этой небольшой деревни. Фашисты полностью хотели уничтожить ее — сжигали дома, неоднократно бомбили с воздуха. Почти вся деревня была сожжена и разрушена. Люди уходили в лес, делали землянки и жили в них до самого освобождения. 22 июля 1944 года Красная Армия заняла Рогозно и подошла кМедно. Брестский район был освобожден 28 июля в ходе Люблинско-Брестской наступательной операции, которую осуществляли войска 1-го Белорусского фронта.

Как и вся наша страна, 9 мая жители Рогозно отпраздновали 75-летие Великой Победы. Вспомнили тех, кто в трудный час встал на защиту нашей Родины, кто отдал жизни ради будущего поколения, кто пал безвинной жертвой от рук оккупантов, всех тех, кто не дожил до этого радостного дня. Никогда не забудут люди эту страшную войну. И очень важно, что воспоминания о тех далеких событиях передаются от бабушек и дедушек внукам, записаны и хранятся в надежных руках. Пока жива память, живы и они, поколение сороковых, подарившее нам жизнь.

Марина САМОСЕВИЧ
Фото автора и из архива редакции

Холмичи: счастье — здесь, в тишине!

«Так и хочется свой рассказ о небольшой деревушке Холмичи, расположенной севернее от Чернавчиц, на границе с Каменецким районом, начать словами: «Там, за холмами, за лесами, на краю осушенных болот стоит деревня небольшая, полная забот, хлопот...»

Деревня расположилась рядом с быстрой рекой Лесной, чем гордятся сельчане, но как-то обособленно, в стороне от больших дорог. Может, поэтому росла и развивалась она так медленно.

Судьба Коростычей в судьбе страны

Первое уведомление о поселении относится к началу XIX века, и называлось оно — Коростычи. Почему так неблагозвучно, с чем это связано, по этому поводу не сохранилось никаких легенд. Можно лишь строить различные догадки и предположения. Поселение входило в состав имения Демьянчицы Брестского уезда Гродненской губернии. Согласно переписи 1897 года, здесь насчитывался всего 51 двор и 363 человека. Но самый большой расцвет деревни и рост населения приходятся на 1905 год — тогда здесь числилось 396 человек.

В то время здесь работали школа грамоты и хлебозапасный магазин. Вблизи не было ни лесов, ни месторождений глины для производства кирпича, а стало быть — и стройматериалов. И люди занимались развитием своего подсобного хозяйства, за счет чего и выживали.

Еще ловили рыбу. Деревушка долгие годы жила своей тихой мирской жизнью, словно замерла в ожидании грядущих перемен. И они наступили!

Революционные события в России тихими волнами новой жизни раз за разом докатывались и до Коростычей, заставляя людей гадать и тревожиться: «А что же теперь будет? Неужто заберут хозяйство?..» Но ход истории не остановить...

Наступил 1939 год. Коростычи вместе с соседними деревнями вошли в состав БССР. «И настала новая, неизвестная доселе жизнь», — вспоминали старики в беседах.

Не успели опомниться от нахлынувшей суеты и тревог, приспособиться, осознать и «переварить» ее, как заявил о себе 1941 год. Прозвучало грозное слово «война». Люди вздрогнули и замерли. Но не растерялись!

Маленькая деревенька, живя вдали от большого мира, в минуты суровых испытаний оказалась смелой и боевой. После освобождения от немецко-фашистских захватчиков жители Коростычей в числе первых отправили своих мужчин на фронт — добивать врага, чтобы очистить мир от коричневой чумы. Боевой отряд добровольцев составил 15 человек.

Деревня опустела, но продолжала жить. Вся тяжесть работ легла на плечи женщин. Вскоре в Коростычи пошли письма–треугольники с разных фронтов.

Участник войны Михаил Тимофеевич Гуль, например, освобождал Венгрию. Был ранен на озере Балатон. Один осколок ему вынули, другой трогать не стали — слишком близко находился он к сердцу. Отлежался немного в госпитале — и снова в бой. Так и воевал, и жил с осколком в груди.

С боями дошел до Германии другой житель деревни — Федор Демьянович Рой, брал Берлин, Прагу. Кому выпало жить, после войны вернулись домой с боевыми наградами. А на поле боя сложили головы семь бойцов из Коростычей.

Однако и во время оккупации жители деревеньки не давали покоя немцам. После войны еще долго передавалась из уст в уста одна история. О том, как однажды в деревню влетел всадник на белом коне. На скаку он расстрелял опешивший немецкий патруль и стрелой улетел в Лешнянский лес. Так повторилось трижды. В итоге немцам пришлось убрать своих солдат из деревни.

Во время освобождения вблизи Коростычей трое суток шли ожесточенные бои. По воспоминаниям местной жительницы Прасковьи Брещук, залпы «Катюш» и других орудий сотрясали дома. Немцев выбили с высокого холма и отбросили на другой берег реки Лесной. Оттуда погнали на запад.

После войны местные ребятишки еще долго находили в траншеях боеприпасы и военное снаряжение.

Моменты радости малой деревни

Война оставила разруху в деревне и глубокие душевные раны у ее жителей. Но надо было жить и находить в себе силы строиться. Фронтовики, молодые закаленные войной ребята, не успев прийти с войны, вновь засучили рукава — и застучали топоры.

«В 1950 году началась новая неизвестная жизнь, — вспоминал бригадир Михаил Николаевич Брещук. — Создавались колхозы и совхозы. А что такое коллективное хозяйство, многие не знали и боялись вступать туда. И все-таки вскоре все привыкли к новым реалиям

жизни. Порадовало сельчан, что Коростычи переименовали, деревне дали более благозвучное название — Холмичи. Первый колхоз «Советская Армия» включал в себя три деревни — Холмичи, Покры, Блювиничи.

Торфяники в первые годы колхозного строительства давали высокие урожаи.

«Это было настоящее золотое дно, — вспоминал те годы звеньевой по овощеводству Фома Васильевич Семенюк. — Капуста — во! Морковь, свекла — на загляденье... По 500-600 центнеров собирали с гектара осенью. Это был рекорд! Два раза ездили на Всесоюзную выставку достижений народного хозяйства в Москву».

И все-таки каждую весну люди жили в тревоге. Весной Западный Буг переполнялся талыми водами и Мухавец выходил из берегов. Плавала по окна пригородная Волынка и серебристые волны плескались в Бресте возле ступенек магазина «Тысяча мелочей». Тогда и река Лесная показывала свой крутой нрав — затапливала ближайшие дома и огороды братьев Михаила и Виктора Жесько.

«Разлив воды был велик и прекрасен!», — восхищались городские любители природы. С высоты холма, что поднимается над Лесной, открывалась величественная панорама: отдыхали стаи перелетных лебедей, уток, журавлей, плескались рыба, ондатры.

Радовался жизни богатый и чудный мир природы!

Вскоре нашли управу — выпрямили русло реки и стало тихо, сухо, хоть ходи в тапочках. С тех пор птицы пролетают мимо...

1965 год. Деревянная школа-семилетка, построенная из бревен, доставленных по реке Лесной из Беловежской пущи, уже не вмещала всех учеников и было решено строить новую — хозспособом.

Мне тоже посчастливилось участвовать в стройке будущего. К тому времени я уже окончил институт и пришел работать сюда. Вместе с директором школы Виктором Леонтьевичем Левчиком и старшеклассниками мы помогали возводить новое помещение на летних каникулах, да и не только. Будучи молодыми, амбициозными, не боялись трудностей, мечтали о новых горизонтах.

За пять лет выросло красивое белоснежное здание с большими светлыми классами, просторными коридором и столовой — повсюду было паровое отопление. Кстати, в ту пору немногие школы района имели свои столовые.

Школа славилась спортивными достижениями. Ученики всех возрастов на районных и областных соревнованиях по плаванию всегда занимали призовые места, хорошо катались на лыжах.

«Эти холмичане, как дельфины плавают, шустрят на воде», — удивлялись судьи. Приятно было такое слышать — не зря выросли на Лесной.

Новую искру радости и подарок для молодежи принес Иван Алексеевич Демешко, бригадир полеводческой бригады, фронтовик. Он сумел настоять и убедить начальство построить в Холмичах клуб. Получился небольшой, аккуратный, со сценой и библиотекой Дом культуры. Здесь крутили кино и устраивали танцы, читали книги. Приходило много молодежи.

Особой гордостью в деревне считалась кузница. Николай Муляревич творил с металлом просто чудеса. Кузнец ремонтировал плуги, бороны, культиваторы. Часто заглядывали сюда и водители — починить кузов, поправить крепления, стойки...

Пару слов хочется сказать о Василии Таруце, большом мастере-самоучке по дереву. Он сорок лет делал колеса к телегам. «На колесах Таруца мы и вся округа въехали в новую жизнь, в социализм», — шутили сельчане. Даже теперь, спустя 50 лет, кое-где работает его творение рук.

Долгожданным подарком для жителей деревни стал новый магазин. Большой и светлый — он как-то сразу преобразил деревню.

В 1970-х годах продолжился подъем и расцвет жизни в Холмичах. Кое-где строились новые дома, ремонтировались старые, приводились в порядок заборы, лавочки. Люди сажали плодовые деревья.

— Колхоз построил новый коровник, потом возвели два телятника, откормочник, конюшню, где содержалось около тысячи голов скота, — вспоминает бывшая заведующая фермой Мария Михалик. — Здесь нашли работу местные доярки, пастухи, подсобные работники.

На полях научились выращивать весомые урожаи зерновых, кукурузы, картофеля. Грамотно применяли органику и минеральные удобрения. Работы хватало всем!

Людям верилось, что Холмичи с новым именем, словно птица на взлете — все выше и ярче виделись горизонты, верилось, что впереди ждет светлое будущее. Казалось, что вся гигантская работа за эти годы приобретает смысл и ценность по отношению к сельчанам. Но жизнь распорядилась иначе — грянула перестройка.

Всегда есть надежда

Изменения в обществе, рывок научно-технического прогресса одни деревни возвысил, преобразовав в агрогородки, другие — остались на обочине. Люди сами оставляли обжитые места и уходили в города — поближе к цивилизации.

Стоило в 1980 году в Холмичах закрыть школу, как неперспективную, и все начало рушиться, словно карточный домик. Коровник оказался ненужным, отдаленным и затратным, магазин — нерентабельным, в клуб и библиотеку перестали ходить, кузница — устарела. Наступило другое время. Такие процессы «закрытия» маленьких деревень происходят во всех странах мира.

Сегодня в Холмичах осталось 25 коренных жителей. Три раза в неделю сюда приезжает автолавка, автобус — заходит по субботам и воскресеньям.

Но есть надежда, что Холмичи не исчезнут с лица земли. Потихоньку покупают дома под дачи горожане. Манят сюда людей грибы да ягоды — за последние годы поблизости вырос красивый лес.

«Мне нравится здесь — чисто, тихо, ни суеты, ни грохота машин, — говорит брестчанка Анастасия Мельник. — А чистый целебный воздух чего стоит! Можно бизнес на нем открыть!»

Словом, жизнь в Холмичах не бурлит, но существует! Может, это и хорошо, что у нас есть такие отдаленные тихие уголки как Холмичи, Радваничи, Дубок... И уставшие от урбанизации люди могут сбежать сюда ненадолго, чтобы прийти в себя, отдохнуть здесь душой и телом. Это своего рода заказники для людей, уставших от цивилизации. Хоть ты табличку вешай: «Не пугай тишину», «Подними голову — увидишь небо», «Оторвись от мобильника — посмотри вокруг» и т.д.

Вот уже много лет Холмичи смотрят по утрам в зеркало реки Лесной и, кажется, так будет вечно...

Василий БОСАЦКИЙ,
д. Черни
Фото Павла БОГУША

«Дорогой Геличка, ты вечно будешь жить в моем сердце!»

В Чернавчицком сельсовете прошел очередной этап в рамках республиканской акции «Во славу общей Победы», посвященной 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне.

В нем приняли участие представители райисполкома, сельисполкома, районной организации ОО «Белорусский союз офицеров», администрации средней школы агрогородка. У монумента Скорбящей матери собравшиеся почтили минутой молчания память воинов, отдавших жизнь за освобождение страны. Здесь захоронены около полутысячи защитников нашей Родины, которые погибли в июле 1944 года. Среди них – Герой Советского Союза Василий Иванович Загороднев.

Протоиерей церкви Параскевы Пятницы Иоанн Кинчак прочитал краткую заупокойную молитву. Почетное право пересыпать землю в специальный мешочек с обозначением места захоронения было доверено заместителю председателя райисполкома Павлу Волынцу и председателю районной организации ОО «БСО» Анатолию Емельянову.

— Благодаря таким наглядным урокам патриотизма на месте подвига защитников нашей Родины эстафета памяти передается из поколения в поколение, способствует сохранению исторического наследия о трагичных событиях Великой Отечественной войны, — подчеркнул Павел Иванович.

В Чернавчицах была взята земля в специальный мешочек и с места захоронения жертв фашизма возле Троицкого костела. На второй день после начала Великой Отечественной войны немецко-фашистские захватчики здесь расстреляли группу мирных жителей. В 50-е годы на их могиле был поставлен обелиск, а в конце 70-х – новый памятник.

Следующим пунктом посещения стали Вистычи. В агрогородке к организаторам мероприятия присоединились учащиеся местной школы. Заместитель директора по воспитательной работе Татьяна Желенговская отметила активность ребят в проведении подобных акций: «Наши дети очень ответственно подходят к участию во всех мероприятиях патриотической направленности, огромное внимание мы уделяем теме Великой Отечественной войны, освобождению Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. Активно способствует в деле воспитания молодежи и наш батюшка, который пользуется неизменным уважением всех сельчан».

Стоит отметить теплоту и дружелюбие, скоторыми отец Анатолий встречал почетных гостей, и особенно младшее поколение. Он рассказал о защитнике, который был похоронен на территории церкви. Снайперу Глебу Владимировичу Тулубьеву на момент гибели было всего 18 лет, но это не помешало проявить ему огромную смелость в защите Родины. Стена церкви до сих пор хранит многочисленные следы от пуль, выпущенных по герою врагом, окружившим снайпера плотным кольцом.

После войны его мама, будучи в уже довольно преклонном возрасте, приезжала на место последнего боя сына. Совсем недавно благодаря деятельному участию священнослужителя место захоронения мужественного солдата благоустроено.

Бетонный памятник выложен керамогранитной плиткой. На нем выгравированы светлые слова его матери как последнее напутствие храброму сыну. «Дорогой, незабываемый Геличка, ты вечно будешь жить в моем сердце. Любовь и память о тебе умрут со мной, спи. Безвременно погиб мой дорогой сын. Любящая тебя мама».

На месте захоронения отец Анатолий отслужил заупокойную литию. А затем председатель Чернавчицкого сельисполкома Светлана Медведь вместе с Анатолием Емельяновым взяли землю в красный мешочек для будущей капсулы.

Последней точкой в этот день стало воинское захоронение в д. Ивахновичи. Пересыпав землю в красный мешочек, методист по историко-культурному наследию отдела идеологической работы, культуры и по делам молодежи райисполкома Наталья Селивончик и староста деревни Иван Журанюк рассказали, что монумент был установлен в 1958 году в честь увековечения памяти героев, павших в боях за освобождение нашей Родины. Здесь захоронены 46 военнослужащих, погибших летом 1944 года.

Данная акция инициирована Белорусским культурным центром духовного возрождения и проходит по территории всех сельсоветов не только Прибужья, но и всей страны. С мест воинских захоронений, жертв войны собирают землю, из которой сформируют капсулу от региона и передадут в Брестскую крепость. Кульминацией акции станет закладка всех капсул с землей с памятных мест нашей страны в крипте Храма-Памятника в честь Всех Святых в Минске.

Наталья ТОЛКАЧЕВА,
Фото автора

Подвиг фронтовиков нас вдохновляет

Тема Великой Отечественной войны – одна из самых важных и любимых в творчестве участников кружка «Вдохновение». Ребята собрали бесценные материалы о близких и родных людях, прадедушках и прабабушках, участниках войны, написали о них интересные рассказы, эссе. Многие из этих работ были опубликованы в «Астрамечаўскім рукапісе», «Заре над Бугом», и даже в «Комсомольской правде». В процессе работы активное участие принимали и ребята школьного патриотического отряда «Поиск».

В результате появились новые материалы о ветеранах Великой Отечественной войны, о тех, кто освобождал д. Чернавчицы, кто захоронен в братской могиле, кто вернулся после Победы в родную деревню, здесь жил и работал. Многие материалы были найдены на сайте «Победа народа», также не раз мы обращались к книге «Память», к книге Александра Волковича «Письма войны». Появились новые сведения о ветеранах.

Результатом поисковой деятельности участников кружка и патриотического отряда «Поиск» явилось размещение информации и фотографий ветеранов Великой Отечественной войны в галерее «Дорога памяти». К сожалению, многих ветеранов нет в живых, и их фотографии для нас бесценны. Бесценна сама память о людях, которые одержали Великую Победу и подарили нам мир.

Часть фотографий кружковцы нашли в школьном архиве, и сейчас ребята заняты новыми поисками. Надеемся, что работа завершится интересными публикациями в средствах массовой информации.

Зоя Ивановна ФЕДЧЕНКОВА,
руководитель кружка “Вдохновение”

ЛЕОНИД
Семенович Корнелюк

ПРИСТУПА
Михаил Васильевич

ДЕНИСЮК
Василий Максимович

НОСИК
Николай Мартынович

ЗАГОРОДНЕВ
Василий Иванович

АНДРЕЮК Петр Севастьянович
На фото слева

ШЕВЧЕНКО
Сергей Степанович

Эта земля — святыня!

В Лыщицком сельсовете прошел очередной региональный этап республиканской акции «Во славу общей Победы»

Мероприятие началось с посещения воинского захоронения в агрогородке Остромечево, где покоится прах 119 воинов Советской Армии. Почетное право пересыпать землю в специальный мешочек с обозначением места захоронения было доверено заместителю председателя райисполкома Павлу Волынцу и председателю районной организации ОО «Белорусский союз офицеров» Анатолию Емельянову.

— Такие наглядные уроки патриотизма, конечно же, имеют огромное значение для духовного воспитания и детей, и взрослого населения нашего района на подвиге, который совершили в годы войны народ и Красная Армия. Миллионы людей погибли за нашу мирную жизнь, — подчеркнул Павел Волынец.

Церемония забора земли прошла в тот день на четырех памятных местах сельсовета. Помимо Остромечево, были посещены могилы на гражданских кладбищах в деревнях Лыщицы и М. Зводы, а также братская могила в урочище Курилово, что в районе Новых Лыщиц.

Трагическая история Великой Отечественной войны на территории Прибужья написана кровью многих невинно убитых людей, а также тех, кто до последнего мгновения своей жизни сражался за мирное небо над головой. Поражает жестокость, с которой фашисты расстреливали мирных жителей. Многие из них зверски убиты в 1942 — 44 годах, захоронены в братской могиле урочища Курилово среди других более 750 советских граждан.

— На протяжении трех лет (с июня 1941 по август 1944 годов) немецко-фашистские захватчики осуществляли жестокий режим на завоеванной территории, который был направлен на уничтожение белорусского народа, — рассказывает директор средней школы д. Н. Лыщицы Алла Кузьмич. – Одним из средств установления «нового порядка» стало уничтожение мирного населения. Гитлеровцы проводили карательные действия. В 1942 году батальон 15-го полицейского полка начал операцию против партизан под кодовым названием «Треугольник» на территории Брестского, Кобринского и Малоритского районов.

В августе 1942 года на железнодорожную станцию Лыщицы прибыла экспедиция гестаповцев из Бреста. Возле озера Курилово были подготовлены три огромные ямы. Гестаповцы с помощью полицаев начали массовые аресты мирных жителей из близлежащих деревень. Людей хватали целыми семьями. Привозили на подводах по 10-15 человек разных возрастов к ямам — от младенцев до стариков, мужчин и женщин и расстреливали. Перед расправой полицейские снимали с людей одежду, а самих спихивали в яму и стреляли. Детей бросали в ямы живыми... Говорят, что еще не один день земля ходила ходуном под песком, а глухие стоны разносились далеко по округе. Уничтожение людей продолжалось почти 20 суток. Очевидец из числа местных жителей тех страшных событий вспоминает: «Фашисты после расстрела скрывали свои злодеяния, заставляя местных пастухов прогонять скот несколько раз по могиле. В моей памяти осталось и то, как на подводах со связанными руками везли сельчан, обреченных на расстрел. По бокам, впереди и сзади, ехали на лошадях полицаи, возле ямы останавливались, снимали с людей все, что им надо. Слов я не слышал, потому что прятался, старался быть незамеченным. Потом подъезжали гестаповцы, обычно на двух машинах, и прямо в упор расстреливали их. После этого трупы присыпали песком, через день-два привозили следующих и так почти до верха ямы. Размер ее я измерял шагами, помню, что длина — 14 шагов, а ширина — 5 шагов, глубина примерно 2,5 метра. Вторая яма чуть меньше».

Расстрел в урочище Курилово унес жизни 756 человек. Из них — 435 детей. В память о погибших в 1956 году здесь поставлен памятник.

По словам председателя Лыщицкогосельисполкома Инны Дячек, братская могила ко Дню Победы будет полностью благоустроена.

— Отдельная благодарность ОАО «Остромечево», которое выделяет средства на такое благое дело, — подчеркнула Инна Анатольевна. — Что примечательно, практически каждый год ко Дню Победы в урочище приезжают потомки тех, кто погиб за свободу нашей Родины. К примеру, ежегодно 9 мая здесь бывают родные воина Красной Армии Григория Ильича Кондратюка. Чтобы почтить светлую память своего отца и деда. Пару лет назад его останки были перезахоронены в братскую могилу.

— Мы возлагаем венки и цветы к обелискам, благоустраиваем места захоронения, проводим различные военно-патриотические акции. Одна из них – «Во славу общей Победы» – призвана создать новую культуру памяти о событиях 75-летней давности, — объяснила методист по историко-культурному наследию отдела идеологической работы, культуры и по делам молодежи райисполкома Наталья Селивончик. — К сожалению, все меньше среди нас живых очевидцев тех событий, и единственным свидетелем остается земля с памятных мест войны. Она — святыня. И мы должны ее сберечь для наших потомков.

Наталья ТОЛКАЧЕВА
Фото автора

СТАРОНКІ ГІСТОРЫІ

История брестской деревни Аркадия с XVII века

Сегодня мы расскажем о деревне Аркадия, которая 1 июля 2007 года стала частью Бреста.

Аркадия известна с XVII столетия как деревня в Берестейском воеводстве Великого княжества Литовского. После третьего раздела Речи Посполитой в 1795 году она была в составе Слонимской, с 1797 года — Литовской, а с 1801-го — Гродненской губерний Российской империи. Также входила в состав имения Пожежин.

В 1868 году Аркадия отмечена как деревня Гершонского церковного прихода. В 1876 году в ней насчитывалось 38 дворов и 278 жителей, которые входили в Пожежинскую сельскую общину. В 1890 году крестьянам Аркадьевского сельского товарищества, в котором были деревни Аркадия и Дубинки, принадлежало 283,3 десятин земли.

После переписи 1897 года здесь было уже 66 дворов и проживало 517 жителей. Как и многие деревни того времени, Аркадия имела свой хлебозапасный магазин. В 1905 году число аркадьевцев уменьшилось до 270 человек. В этот период деревня входила в Каменице-Жировицкую волость Брестского повета Гродненской губернии. В 1921 году в ней насчитывалось всего 24 двора и 131 житель, а в 1940 году — 69 хозяйств и 356 сельчан.

Памятное место

Особое место в жизни Аркадии занимает одно историческое событие: здесь 15 сентября 1648 года казнили игумена Афанасия Филипповича (Брестского), известного белорусского общественного, политического и церковного деятеля. В 1649 году Православная церковь канонизировала святого преподобномученика Афанасия.

На рубеже XIX–XX столетий на месте смерти святого Афанасия Брестского построили часовню, в которой в дни празднования его памяти совершали богослужения. Во время хрущевских гонений храм закрыли, но верующие продолжали приходить к полуразрушенной часовне, чтобы поклониться святому Афанасию. Примечательно, что на месте казни всегда можно было увидеть живые цветы.

В 80-е годы минувшего столетия часовню передали в ведение Православной церкви. Силами прихожан храм восстановили, а в 1988 году в нем совершили первое богослужение. Знаковым событием для жителей Аркадии стало и то, что в 1993 году храм посетил глава Польской православной церкви Митрополит Варшавский и всея Польши Василий. Через два года, в июле 1995-го, в часовне побывал Патриарх Алексий II, благословивший открытие Свято-Афанасиевского мужского монастыря. После здание часовни расширили, а к церковному дому пристроили трапезную и несколько келий, также построили монастырский корпус с надвратной церковью и архиерейскими покоями.

Восемнадцатого сентября, в день мученической кончины Афанасия Брестского и в третье воскресение после Пятидесятницы, к Афанасиевскому монастырю совершают крестные ходы. Сам же храм в честь преподобномученика стал памятником архитектуры деревянного народного зодчества с элементами ретроспективно-русского стиля, также достопримечательностью бывшей деревни.

Жили-были аркадьевцы...

Подробных сведений, как жила деревня предыдущие столетия, не сохранилось. Можно только предположить, что они тесно связаны с историческими событиями того времени. Это видно из того, как деревня меняла свою «прописку».

Однако о том, какой была ее жизнь в прошлом веке, рассказал коренной житель Константин Зданевич: «Аркадия всегда была небольшой деревней, и в ней жили очень дружные люди. Жили по-разному — кто лучше, а кто хуже. Бабушка рассказывала, что там, где сейчас форт, была деревня Пьяновец и панский фольварк. Жителям ее, когда началось строительство форта, предложили переселиться — так бабушка переехала Аркадию.

Коренной житель Константин Зданевич

Жили люди тяжело, много трудились. Отец ездил на работу на лошади в Южный. На ней возил песок, гравий, тогда там строили дома. Мама каждое утро носила в город продавать молоко, чтобы заиметь хоть немного денег на обиход. Хозяйство каждый держал в Аркадии. У нас было две коровы, лошадь, две свиньи, одна из них была на продажу, а вторая — себе, также имели кур и уток. Возле нашего дома было небольшое озеро, там они и плавали. Сейчас на этом месте стоит дом.

Мать шла в поле и нас, троих сыновей, брала с собой. Мать несет колыску, а за спиной — малый. Несет и «триногу» — три палки, когда в поле заходила, ставила их, накрывала радюшкой (полотно, могла быть и другая ткань). Меньший Степан сидит и Лёню колышет, а я с матерью картошку полем. Тогда дети работали с самого детства. Пасли коров. Был у нас пастух, но припасывали по очереди: если две коровы, то два дня пасешь, а одна — один день. Пасли их на Паньково, так место называлось. Места — это поля и леса около деревни, по-разному у нас именовали, еще говорили — около Щербика.

Дома в Аркадии были маленькие, возле них росли сады. Яблоки, груши раньше только сушили, как сейчас, компоты не закатывали. А так приготовит мама чугунок картошки или супа из бобов... Это была тяжелая жизнь, не то что сейчас: пошел в магазин и всё купил. В 1946–1947 годах давали карточки на 950 грамм хлеба. Брат пойдет за ним, покуда придет, скушает его. Вот так и жили.

Но жили весело. Детьми в лапту играли, волейбол, прятки и в войну. Поделаем ружья из дерева и наступаем: одни со стороны, а другие — из-за угла. А свадьбы какие хорошие были! По три дня гуляли! Песни пели, на гармони играли, переодевались в жениха и невесту: женщина — в молодого, а мужчина — в молодую. Смеху сколько было, а радости! Любые праздники проходили весело.

Например, собиралась наша семья и соседняя, приходил мамин брат, выпьют по сто грамм и песни поют. Как хорошо пели! «Стоит гора высокая, а пид горой гай», «Лепш з таким родом не знатыся, чтоб в понедельник растатыся». Я тоже пел, играл. Как только весна, старушки на лавочках начинают собираться, делятся новостями, песни поют. На вечерки приходили. Выйдешь вечером во двор и слышишь — поют в Митьках, в Котельни, а сейчас такого нет. На проводы собирали гулянки, а потом провожали солдата всей деревней в армию.

А какая дисциплина была в школе! Мы в Гершонскую ходили, она была, где сейчас магазин находится. Нас учила учительница Анелька, мы лишнее слово боялись сказать или движение сделать. Внимательно слушали ее. Как жизнь быстро прошла, как сон...»

Жизнь действительно стремительно бежит вперед. С того давнего времени осталось совсем немного, да и то в основном воспоминания. Аркадия получила новое очертание, на смену старым и маленьким домам пришли новые и большие, порой в два этажа, усадьбы. Однако, несмотря на изменения, она продолжает жить не только городской жизнью, но и чуть-чуть прежней.

Наталья ШЛЯЖКО,
«Брестский вестник»
Фото автора

Кричащий камень в деревне Кабёлка Брестского района

Южная часть Брестского района известна в основном своими местами отдыха (на озёрах Меднянское, Белое, Рогознянское, Селяхи), пограничным пунктом пропуска «Домачево» и железнодорожной станцией Дубица конца XIX века, облюбованной киношниками для съёмок эпизодов к историческим фильмам. В фольклорном плане эта зона белорусско-польского пограничья по-своему интересна, здесь бытуют интересные легенды и предания.

Поводом для поездки в эти места стало предание про камень, записанное в 2012 году студенткой филологического факультета от уже ныне покойной Якимчик Е.Я. (1933 г.р.) из дер. Кабёлка Брестского района и опубликованное в журнале «Астрамечаўскі рукапіс». Согласно этому преданию, камень с необычным изображением креста лежал здесь издавна, на месте, называвшемся Шведскими могилками. *«В 1935 г. польский пан взял этот камень себе на фундамент и он его установил, когда строил дом, и услышал гул, что-то гудело и было очень страшно, поэтому он его завёз обратно. Взял лошади, одна лошадь не могла его притянуть, он взял ещё лошадей. И сил не хватило, и они привезли его не на то место, а метров 50 чуть в сторону. И так он поныне там и лежит»* [1].

Камень в Кабёлке

В основе данного предания лежит довольно известный на территории Беларуси мифологический сюжет о культовых камнях, которые пытались использовать в утилитарных целях (положить в фундамент дома), но в силу различных обстоятельств вынуждены были вернуть на своё место. Например, схожая история была записана про «Святой камень» у дер. Кременец Логойского района: *«Был, говорят, ещё такой случай. Строил пан в Бобрах дом и решил положить наш камень в угол фундамента. Но камень сделался сырым, плакал, на нём всегда стояла вода. Дом начал гнить, стала болеть родня. Однажды пану приснился сон: просит камень отвезти его на старое место. Проснулся, достал камень из-под хаты, погрузил на колёса и отвёз его назад. Интересно, что когда он вёз камень домой, четверо коней его едва дотянули, а назад — один легко справился»*[2]. Вероятно, в таком традиционном сюжете зашифровано народное табу на перемещение культовых камней со своих исконных мест.

Чем интересно в данном контексте предание из дер. Кабёлки, так это указанием на издаваемые камнем звуки, послужившие причиной его возвращения. В прошлом году во время экспедиций «Уфокома» было обращено внимание на довольно редкий в Беларуси мотив издаваемых камнями звуков: «Дзынговый камень» в Щучинском районе[3] «Камень-крикун» в Поставском районе[4]. Правда, необычные акустические свойства здесь проявлялись в естественной природной среде на месте первоначального местонахождения валунов, тем не менее, камень из Брестского района может вписаться в этот легендарный ряд звучащих камней, расширив сюжетное разнообразие этой группы.

В Кабёлке камень нам удалось разыскать далеко не с первой попытки, даже имея на руках его снимок на фоне деревянного сарая. В настоящее время многие местные жители даже и не подозревают о наличии в своей деревне подобной достопримечательности. Традиции угасают. Но поездка всё же увенчалась успехом: удалось найти местную жительницу 1951 года рождения, которая не только помогла отыскать заветный камень, но и поделилась порцией преданий, которые ещё живы в ее памяти. В итоге обрисовался фрагмент былой сакральной топологии этой деревеньки, локализирующийся в ее западной части.

Упомянутые ранее «Шведские могилки» ныне известны под названием «Алёшышына гора». Это вторичное позднейшее наименование, которое возникло из-за того, что *«жыла бабка тут — Лёшыха. Наверно, у еи... муж, наверно, Алексей был»*. Но о причастности к ней «шведов» также ещё помнят, хотя от проживающей вблизи горки семьи прозвучала также версия о «татаро-монгольском кладбище». Согласно преданию, *«там на Алёшышыной горе крест стояв, это було кладбишчэ, там сражэние було. Я так поняла, шо это, наверное, во времена шведскои войны. (...) Ну тутака стражэние було во это. Старые людэ казалы, шо всё в жэлизо було воины закованые, и одной воин на воза вмешчаўся. На одного воза одён... одён воин вмешчаўся. Наверно, шэ як шведы, чы кто там, я не знаю исторыи там (...) було сражэние, и много було покойников, побитых. И там було, на тий гори було захороненэ. А потым як дорогу робылы в дерэвне, тую гору вывэзлы»*. Большую часть горы пустили на подсыпку дороги в деревне. Говорят, что в песке находили много костей и черепов.

И про камень отголоски старой легенды также сохранились: *«Но шэ раньшэ там на гори камэнь тожэ був. И той камэнь кричев. Хтосьци там на фундамента его взев. А потым его выкыдалы з хаты, бо вин кричев.* [Когда в фундаменте лежал, кричал?] *Да. Тогда я чула про камэнь. (...) Я то такэ чула. Шо з горы той взев камня...* [Это кто? Помещик? Пан польский?] *Не, хтось там взев камня под фундамент, а каже, вин это самэ став кричэты той камэнь. И кажэ, это самэ, взялы, кажэ, знов того камня на ту гору дэсь одвэзлы. А якога камня бралы, то я вжэ не знаю»*. Информант не смогла точно ответить, относится ли это предание к тому единственному камню, который ныне лежит неподалеку от вершины Алёшишиной горы. Но судя по записанному шестью годами ранее от более старшего поколения варианту, это он и есть. Камень, судя по всему, представляет собой старое надгробие, в верхней части которого был высечен сложной формы крест. Что интересно, на его поверхности прослеживаются следы вещества, похожего на цемент. Может, действительно, кто-то пытался его вмуровать в фундамент?

Алёшишина гора

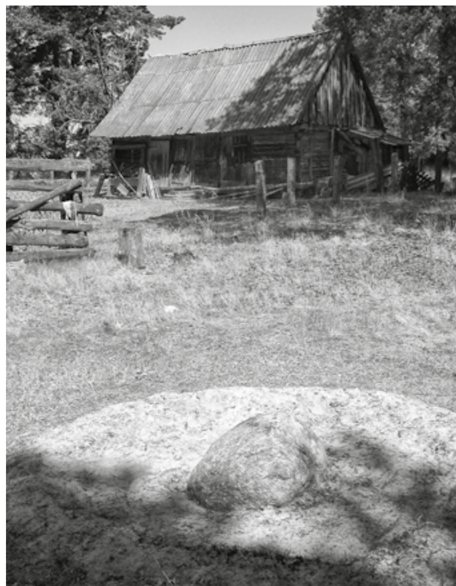
Помимо горки и камня, удалось зафиксировать здесь и обрывки легенды о провалившейся церкви. Далее к западу от Алёшишиной горы находится болотистая низменность, отделяющая Кабёлку от Домачево. Где-то здесь и *«была цэрква, и тая цэрква провалылась (...) Там болотце такое. И выдно тое болото ее засосало. Она провалылася. (...) А цэркви вжэ давно, тока чула, шо была цэрква, то вси знають, гаворать, и вона провалылася. Ну выдно ёй було так.* [А за что она провалилась? За грехи?] *Нычо там ныма. А дажа толкам ны знаю, прымерна в яком раёне. А так шоб конкретно дэ-нибудь то там и следов... Она провалылася, кажуть, пошла под зэмлю. А з чого она, чо она провалылася...»*.

Кроме кабёлковских преданий были записаны и воспоминания об обновившейся примерно в 1955 или 1956 году иконе в дер. Дубок, расположенной у самой границы с Волынской областью Украины. *«То я была малая, идэ быдло с пашы, вэчор, вжэ под вэчор, лито... Люды бегуть, кричэть, и там: в того там ико-*

на обновылася, икона обновылася! Але вжэ тэи, мусыть, и хаты нэма, дэ вона обновылась. То вжэ было давным давно. (...) Я вжэ того не знаю, чыя икона. Кажуть, огонёк бигав. Бигав огонёк это по тыи иконы, и она обновлялась. Ну, помню, казалы, шо то кепско, шо як икона в якый хозяин обновыться. Там вжэ буде яка беда». В книге И. Бутова «Ареал чудес...» говорится о зарождении на территории Украины в 1956-1958 годах эпицентра новой волны обновлений икон, привязанного преимущественно к Волыни[5]. Правда, собранные данные по этим события пока фрагментарны. Очевидно, что случай в Дубке имеет к этому отношение.

Возвращаясь к камню, следует отметить некоторое разночтение в словах двух разных информантов. Согласно первому, положенный в фундамент камень гудел, согласно второму, он кричал. Во всяком случае, обе версии предания сводятся к тому, что камень издавал звуки. Такая же неопределённость характерна и в отношении упомянутого выше камня из Поставского района: камень *«гудит, ревёт, в общем, издает звуки»*. Очень ярко это видно в названиях камня, использованных информантом: «Говорящий камень», «Камень-крикун», «Камень-ревун», «Камень-свистун». Очевидно, что в сознании информантов между этими звуковыми категориями нет существенной разницы.

Виктор ГАЙДУЧИК
31.03.2018

Здымкі Антаніны Якімук

---

1 Паданне пра камень // Астрамечаўскі рукапіс. 2015. № 3. с. 74.
2 Ляўкоў Э.А. Маўклівыя сведкі мінуўшчыны. Мн.: Навука і тэхніка, 1992. с. 67.
3 Бутов И. «Звенящий» камень // Уфоком — 07.05.2016.
4 Бутов И. Говорящий камень // Уфоком — 30.10.2016.
5 Бутов И. Ареал чудес: волны обновлений икон в XIX — первой половине XX века. Минск: Колорград, 2018. с. 83-85.